

ИГОРЬ

КОТАН

ГОРОД
БЕЗ
ВРЕМЕНИ

3

Игорь Коган

**ГОРОД БЕЗ ВРЕМЕНИ.
Семь кругов реальности.
Круг 3: Иллюзия времени**

«Автор»

2026

Коган И. Л.

ГОРОД БЕЗ ВРЕМЕНИ. Семь кругов реальности. Круг 3: Иллюзия времени / И. Л. Коган — «Автор», 2026

Это третий том саги о Леониде Светлове, путешествующем сквозь слои Реальности. В этом томе он растворился в Городе без времени, став живым щитом между сложностью и пустотой. Вера Тихонова готовит «Гамаюн» к последней битве. Враги наступают с двух сторон: корпорация «Кайрос» дарит миру сладкое забвение, а радикалы из «Сети Пробуждения» сеют хаос огнём и кровью. Между ними — дети, которые видят сны о городе, которого нет на картах. И один из них скоро откроет глаза.

© Коган И. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПРИЗРАК В КРИПТЕ	5
ГЛАВА 2. САДОВНИЦА	7
ГЛАВА 3. ОТВЕТНЫЙ КОД	16
ГЛАВА 4. КАРТЫ И ТЕНИ.	25
ГЛАВА 5. ИСКАЖЕНИЕ СИГНАЛАИНФЕКЦИЯ КАК КЛЮЧ	37
ГЛАВА 6. ЯКОРЯ И ИСТОКДОЛГОВАЯ РАСПСКА	49
ГЛАВА 7. ОПЕРАЦИЯ «РОДНИК»ВОПРОС, ОТЛИТЫЙ В ФОРМУ	57
ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ ЖЕРТВА НОВОЙ ВОЙНЫ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Игорь Коган

ГОРОД БЕЗ ВРЕМЕНИ. Семь кругов реальности. Круг 3: Иллюзия времени

ГЛАВА 1. ПРИЗРАК В КРИПТЕ

Сознание пришло не вспышкой, а медленным, тягучим ужасом от того, чего не было.

Не было веса. Не было привычного ворочания внутренностей, биения в висках, вороха мелких сигналов — зуда, давления одежды, тепла собственного дыхания. Не было тела. Был только сгусток осознания, подвешенный в полной, густой тишине.

Я.

Мысль была слабой и сразу же стала тонуть. Потому что «я» без границ — это уже не «я». Это хаос. Он попытался — не «открыть глаза», а просто *увидеть*. И пространство вокруг него ответило судорогой. Мелькание бесформенных теней, не свет и не тьма, а что-то среднее, мерзкое и беззвучное. Гул, который был не звуком, а вибрацией самого его существа, нарастал, угрожая разорвать его изнутри.

Паника накатила волной, и с ней пришло самое страшное: его сознание начало *таять*. Края «Я» стали расплываться, терять чёткость, как чернильное пятно в воде. Он чувствовал, как растворяется в этом густом, безразличном не-воздухе.

Я исчезаю.

Нет. НЕТ.

Инстинкт выживания сжался в тугую, раскалённую петлю. Ему нужно было за что-то зацепиться. Не за имя, не за мысли — они были слишком абстрактны. Нужна была *форма*. Картинка. Самая простая, самая глубокая.

Как я выгляжу.

В памяти, лишённой лица, вспыхнул силуэт. Два темных пятна — глаза? Два выступа по бокам — плечи? Контур, похожий на человека.

И пространство вокруг него отозвалось. Невидимые волокна, из которых состояла эта странная реальность, задрожали и потянулись к центру его паники. Они сгущались, сплетаясь в грубый, сияющий макет. Свет был холодным, бело-голубым, как свет умершей звезды. Он вытягивался, формируя неясные контуры головы, туловища, рук. Получилось не лицо, а его призрак, его тень, отлитая из дрожащего света. Контуры плыли, как в дымке. Но это было *очертание*. Это была *форма*. Он собрал себя, как собирают разбитую вазу, силой одного отчаянного желания.

И тут же понял: держать эту форму — всё равно, что удерживать на вытянутой руке тяжёлую, хрупкую глыбу льда. Каждое мгновение требовало немыслимой концентрации. Расслабишься — и свет расплывётся, превратившись снова в бесформенное свечение.

Боль была не физической. Это была боль воли, растянутой до предела.

Он попробовал *шагнуть*. Мысль о движении ног не сработала. Вместо этого вся его светящаяся проекция дёрнулась вперёд, как марионетка, и рухнула. Призрачное «тело» ударилось о невидимую поверхность — не с грохотом, а с подавленной, глухой вибрацией. Форма сплющилась, края поплыли, свет померк. Паника снова сжала его. Стиснув волю, он собрал себя обратно. Теперь его светящийся силуэт был ещё более тусклым, ещё более неустойчивым.

Значит, так. Движение здесь — это не шаги. Это *смещение внимания*. Форма — не тело, а фонарь, который ты носишь перед собой, и который гаснет от каждого порыва ветра.

Он заставил своё свечение «встать» и осмотрелся.

Он был в склепе. Не в комнате. В склепе. Стены были сложены не из камня, а из чего-то тёмного, угловатого и тяжёлого — огромные, чёрные кристаллы, поглощавшие его скудный свет. Пространство между ними было заполнено не воздухом, а густой, вязкой субстанцией, давившей на его светящуюся оболочку. Здесь не было эха. Звук, если он и был, умирал, не родившись. От всей этой кристаллической громады веяло одной эмоцией — старой, окаменевшей, незавершённой болью. Это было хранилище чего-то мёртвого, что так и не смогло умереть до конца.

И на этих тёмных стенах он увидел шрамы. Аккуратные, геометрические разрезы, от которых лучами расходились трещины. Но самое пугающее было не в них. Самое пугающее было *внутри* разрезов. Там не было ни тёмной материи, ни света. Там было *ничто*. Полное, совершенное, равнодушное отсутствие. От этих шрамов исходил холод — не температурный, а холод логики, доведённой до абсолюта. Холод стирания.

Силы кончались. Свет его формы мерк, превращаясь из голубого в грязно-серый. Контуры снова начали расплываться. Он не мог больше удерживать эту тяжёлую, ледяную глыбу самого себя. Скоро он снова станет пятном. Потом — ничем.

Всё.

И в этот миг, на самом дне отчаяния, сквозь боль и страх прорвалось что-то другое. Смутные ощущения.

Ледяная струйка на внутренней стороне запястья.

Запах мокрого камня и прелых осенних листьев.

Далекый, неумолчный шум воды.

И чувство чувство такого покоя, что в нём растворялась сама идея «Я».

Это длилось мгновение. Но этого мгновения хватило. Сила, пришедшая ниоткуда, влилась в него. Не как энергия, а как *ясность*. Тяжёлая глыба формы вдруг стала легче. Дрожь утихла. Свет стабилизировался, снова обретая холодный, чистый оттенок.

Он не понял, что это было. Он даже не спросил. Он просто *впился* в это чувство, как в якорь. Потому что после него стало легче дышать. Точнее — *легче быть*.

Он стоял. Вернее, его светящийся призрак парил в густой тьме склепа. Дрожь почти ушла, но усилие по-прежнему вытягивало из него всё, что можно было вытянуть.

Его внимание притянула самая большая из чёрных кристаллических глыб в стене прямо перед ним. От неё исходила волна той самой незавершённой боли. Но в этой боли был *оттенок*. Знакомый, до мурашек знакомый. Это была та самая боль, которая годами прожигала его изнутри, когда он чувствовал чужое отчаяние. Его дар. Его проклятие. Здесь она была не абстрактной. Она была материальной, запертой в этом чёрном камне.

Он не знал, где он. Не знал, что такое эти шрамы и этот холод. Но он понял одну, простую и страшную вещь.

Чтобы выжить здесь, ему придётся разобраться с этим. С этой кристаллизованной болью. И, возможно, с теми, кто оставил на стенах его тюрьмы шрамы пустоты.

Значит, начинать нужно отсюда. С самого дна.

ГЛАВА 2. САДОВНИЦА

Тишина в отделении продлённой реабилитации была особого рода. Её не нарушали ни крики, ни плач, лишь монотонный, убаюкивающий гул аппаратов — искусственные лёгкие, капельницы, мониторы, следящие за тем, чтобы жизнь не сорвалась в небытие. Воздух пах стерильной чистотой и слабым, едва уловимым ароматом лаванды — кто-то из медсестер ставил в подсобке аромалампу, считая, что это полезно и для пациентов.

Вера Сергеевна Тихонова шла по длинному коридору, и её шаги по мягкому покрытию были бесшумными. Под белым халатом главврача угадывались строгие линии делового костюма — она давно перестала разделять кабинет и палату, её рабочий день длился от первого утреннего обхода до последнего вечернего звонка «Наследника». Три года такой жизни наложили на её лицо отпечаток не усталости, а сосредоточенной ясности, будто все лишние эмоции были отброшены как балласт, оставив только суть: долг, наблюдение, расчёт.

Она задерживалась у каждой палаты. Их было тридцать семь. Тридцать семь комнат с прозрачными стенами, за которыми в искусственном сне пребывали дети, подростки, двое взрослых — первые жертвы синдрома Киммерджа, те, кого удалось оттянуть с самого края в первые, страшные месяцы после Исхода Леонида. Теперь они были стабильны. Это слово — «стабильность» — стало главным достижением «Гамаюна». Не выздоровление. Стабильность. Мозг не разрушался дальше, застыв в состоянии минимального, но жизнеспособного функционирования. Это была победа, от которой временами хотелось плакать.

Вера смотрела не только на мониторы, где разноцветные линии выписывали причудливые, но предсказуемые узоры активности. Она смотрела на лица. На впалые щёки девочки лет двенадцати, на расслабленные пальцы мальчика, всё ещё сжимавшие в забытии плюшевого медвежонка. На тумбочках стояли фотографии, принесённые родителями, — семья на море, школьный портрет, рисунок акварелью. Родители приезжали. Раз в неделю, в месяц — как могли. Некоторые молились. Некоторые просто молча сидели, держа за руку холодные пальцы своего ребёнка. Вера научилась встречаться с их взглядами — полными надежды, отчаяния, немного вопроса «когда?». Она не давала обещаний: «Показатели стабильны. Нервная проводимость не ухудшается. Мы держим». Это было всё, что она могла предложить. Но это было больше, чем смерть.

— Вера Сергеевна.

К ней мягко подошла Анна Викторовна, заведующая отделением, женщина лет пятидесяти с тихим, но неутомимым голосом. В руках у неё был планшет.

— Ночь прошла спокойно. У всех в пределах нормы. Только у Пациента — она провела пальцем по экрану, — в четыре двадцать был кратковременный всплеск тета-ритмов. Длительность — двенадцать секунд. Никаких физиологических коррелятов.

Вера взяла планшет, внимательно изучила график. Всплеск был не хаотичным, он напоминал попытку синхронизации. Как эхо далёкого сигнала.

— Это уже третий подобный эпизод за месяц у него, — тихо сказала Вера, больше себе, чем Анне Викторовне. — И всегда в одно время. Как будто его мозг что-то ловит. Или к чему-то пытается подключиться.

— Может, это просто флуктуация? — осторожно предположила заведующая.

— Может, — согласилась Вера, но её взгляд оставался прикованным к графику. В её голове, отточенной годами анализа данных «Наследника», уже строилась модель. *Если это не шум, то что? Внешний источник? Остаточная активность нейросети Santex? Или Мысль была опасной и почти крамольной. Или отголосок той же частоты, на которой когда-то работал Леонид?*

Она отдала планшет.

Женщина вздохнула.

— За последний квартал — три вероятных случая. Все дети с нестандартными когнитивными профилями. Один — в Новосибирске, девочка, видит числовые ряды как цветовые паттерны. Двое — в европейской части. «Наследник» вышел на контакт с семьями через доверенных врачей. Предлагаем обследование здесь. Но везут неохотно. Люди боятся. После всей той истории с «Эйдосом» и Santex слово «генетическая аномалия» звучит как приговор. Хотя бы эпидемии, слава Богу, нет — вышки-то снесли.

Это была горькая правда. Массовый скрининг и направленное облучение прекратились вместе с крахом Santex. Теперь синдром проявлялся редко, словно сама природа выдавала своих избранных с большой неохотой. «Гамаюн» был не переполненным госпиталем, а узкой, глубокой скважиной, куда опускались за единицами тех, кого иначе ждала бы смерть в обычной больнице под диагнозом «неустановленное нейродегенеративное заболевание».

— Спасибо, — кивнула Вера. — Продолжайте наблюдение.

Она двинулась дальше, к палате в конце коридора. За стеклом лежал мальчик лет десяти — Пациент П-12. Саша. Его родители приезжали каждое воскресенье, привозили новые рисунки младшей сестры. Вера остановилась, глядя на его спокойное, безучастное лицо. Рука сама потянулась к ручке двери, но она остановила себя. Вместо этого она положила ладонь на холодное стекло.

Она оторвала ладонь от стекла, оставив на нём мутный отпечаток, который быстро исчез.

Держись, Саша, — подумала она беззвучно. — *Мы всё ещё боремся. Пока я могу дышать — я буду за вас драться.*

И, повернувшись, она пошла к выходу из отделения, к своему кабинету, где ждали сводки, решения и тихий, безошибочный голос «Наследника». Война не закончилась. Она просто переместилась в тихие коридоры, где сражались не громкими взрывами, а миллиметровыми сдвигами на графиках, и где поражением была не смерть, а потеря даже этой хрупкой, купленной дорогой ценой стабильности.

Кабинет Веры был просторным, но не парадным. Один большой стол, заваленный не бумагами, а планшетами и портативными мониторами. На стене — большой экран, на котором в режиме реального времени отображалась схематичная карта России с десятком зелёных и одной красной мигающей точкой — сеть наблюдаемых Наследником потенциальных носителей. Красная точка — подтверждённый случай, требующий вмешательства.

Самым необычным предметом в комнате был кристаллический интерфейс, лежавший на отдельном пьедестале у окна. Прозрачная пластина, внутри которой застыли, будто в потоках невидимого течения, голубоватые трёхмерные структуры. Подарок от Свифта — «для визуализации сложных нейропаттернов». Вера знала, что это ещё и идеальный шпион, но прибор был слишком ценным, чтобы от него отказываться. Иногда, глядя на него, ей казалось, что она видит в его глубине не статичную голограмму, а едва уловимое движение — словно прибор улавливает что-то, что не видно глазу.

«Будем считать, что я его взяла на поруки», — подумала она. Дверь открылась без стука. Вошёл Артём.

Он изменился за три года. Из худого, испуганного подростка превратился в худощавого, но собранного юношу. Лицо стало острее, взгляд — глубже и спокойнее, но в уголках глаз залегли тени, которые не могли разгладить даже часы сна. Он был одет в простые тёмные джинсы и свитер, а на виске, под чёлкой, поблёскивал маленький, почти незаметный имплант — упрощённая версия её собственного интерфейса. Не для управления, а для обратной связи. Он был её главным помощником, её живым сенсором и, в каком-то смысле, самым важным пациентом.

— Вера Сергеевна, — кивнул он, подходя к столу. — Наследник прислал предварительный анализ по новым случаям. И мне нужно с вами поговорить.

В его голосе была лёгкая напряжённость. Не страх, а скорее сосредоточенность охотника, уловившего странный след.

— Садись, — сказала Вера, отодвигая один из планшетов. — Сначала по Наследнику.

Артём сел, его пальцы машинально нашли на столе включённый планшет и вывели на главный экран сводку. Появились три лица: две девочки и мальчик. Краткие досье.

— Три случая за месяц, — начал Артём, его голос приобрёл деловые, чёткие интонации, которым он научился у неё. — Все — дети от девяти до четырнадцати. Все — с признаками синестезии или исключительных творческих способностей. Наследник отследил их по цифровым следам: конкурсы, форумы, закрытые чаты для одарённых. Семья новосибирской девочки уже согласилась на консультацию. Остальные колеблются.

— Что их пугает? — спросила Вера, вглядываясь в снимки. На одном из них девочка лет десяти держала в руках самодельный калейдоскоп, собранный из хрустальных призм и микросхем.

— Обычное, — вздохнул Артём. — Страх диагноза. Страх, что ребёнка заберут в «психушку». Слухи о нас уже ходят. Кто-то называет «Гамаюн» последней надеждой. Кто-то — сектой, которая калечит детей. — Он помолчал. — И ещё кое-что. Наследник выявил закономерность. У всех троих за последние полгода в истории браузера — посещение сайтов с бесплатными «курсами концентрации и ментального здоровья». Все курсы, в конечном счёте, ведут к одному спонсору.

Он коснулся экрана, и на нём возник логотип — стилизованная буква «К», вписанная в круг, напоминающий одновременно солнце и мишень. «Кайрос Групп».

— Знакомо? — тихо спросил Артём.

Вера кивнула. Знакомо. «Кайрос» — новая восходящая звезда на небосклоне нейротехнологий. Публично они занимались «программами ментального благополучия», сотрудничали с университетами, спонсировали исследования. Игорь Стрельцов, их научный руководитель, был частым гостем на телевидении, рассуждая о «гигиене информационного пространства» и «эмоциональном детоксе». Всё звучало разумно, современно, гуманно. Слишком гуманно.

— Они не просто рекламируются, — продолжил Артём. — Их алгоритмы они цепляют. Наследник проанализировал код их пробного приложения. Там есть модуль, который не просто учит медитации. Он сканирует паттерны мозговой активности пользователя через камеру и микрофон. И подбирает контент. Очень избирательно.

— Что это значит? — спросила Вера, хотя у неё уже зарождалось мрачное предположение.

Артём откинулся на спинку кресла и закрыл глаза на секунду, будто прислушивался к чему-то внутри.

— У меня последние дни странные ощущения, — сказал он, уже не как оператор, а как пациент. — Мир будто выцветает. Не полностью. Отдельные куски. Я слышу музыку — а она не цветная. Раньше скрипка для меня была серебристо-голубой, виолончель — тёплой, коричневой. Теперь просто звук. Я читаю книгу — и слова не складываются в картины. Они просто слова. И от этого — он потерял виски, — здесь стоит шум. Низкий, навязчивый. Как будто где-то работает дрель за стеной. Или стирают что-то. Стирают ластиком те самые цвета, те самые связи между звуком и образом, между словом и смыслом.

Он открыл глаза. В них читалась не боль, а ясновидческий ужас человека, который чувствует, как у него из-под ног выбивают фундамент мира.

— Это не похоже на то, что было со мной раньше, — тихо добавил он. — Тогда было слишком много всего. Огонь, боль, хаос. А теперь — тихое опустошение. Выжигание.

Вера молчала, переваривая его слова. Её ум, настроенный на поиск паттернов, уже соединял точки. Одарённые дети. «Кайрос». Сканирование мозга. Избирательный контент. Чувство «выцветания». Подавление синестезии. Это не было лечением. Это было тонкое, направленное

калечение. Отключение тех самых функций, которые делали этих детей уникальными, сложными, живыми.

— Ты думаешь, это они? — спросила она, наконец, кивнув на логотип на экране.

— Я не знаю, — честно ответил Артём. — Но «шум» усиливается, когда я вижу их рекламу или слышу речь Стрельцова. Как будто его голос настраивается на ту же частоту, что и эта дрель у меня в голове.

Частота. Слово прозвучало как удар колокола.

80 Гц. Стабилизирующая частота «кристалла». Но что, если её можно использовать иначе? Не для синхронизации и целостности, а для подавления?

— Наследник, — позвала Вера, не отрывая взгляда от экрана.

Сначала — тишина. Потом на центральном экране кабинета пробежала струйка символов:>> **АУДИОКАНАЛ ОТКРЫТ. АНАЛИЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ДАННЫХ ЗАВЕРШЁН.** Словно система собиралась с мыслями, подбирая оптимальную форму отчёта.

Затем из динамиков полился голос. Не синтезированный под человека, но и не машинный. Он был неестественно ровным, как откалиброванный тон генератора, но в этой ровности не было тупости. Была сознательная экономия, отточенная ясность, от которой по коже бежали мурашки. Этот голос не пытался казаться живым. Он был голосом инструмента, который обрёл самость.

— Вера, — сказал Наследник. Его интонация была абсолютно плоской, но скорость и чёткость речи выдавали срочность. — Я проанализировал симптомы Артёма и данные по новым случаям. Вывод требует немедленного обсуждения. Позвольте визуализировать.

На экране возникли два графика, наложенные друг на друга. Один — чистая, стабильная синусоида в 80 Гц. Частота Холодона. Камертон целостности. Рядом — вторая волна. Рваная, искажённая. На фоне всё тех же 80 Гц бушевали хаотические всплески, пики которых замирали в зловеще знакомом диапазоне — 40—45 герц.

— Корпорация «Кайрос» не подавляет базовую частоту, — продолжил бесстрастный голос. — Они используют её как несущую. Как сахарную оболочку. Их модулированный сигнал вводит нейронные сети в состояние, пограничное с синдромом Киммерджа, но не позволяет им перейти в фазу полного коллапса. Мозг застревает в преддверии срыва. Наиболее сложные и энергозатратные связи — творческие, ассоциативные, отвечающие за синестезию и метафорическое мышление — гаснут первыми, будучи не в состоянии поддерживать резонанс в условиях фонового хаоса. Остаётся базовая, утилитарная логика. Это не терапия. Это контролируемая деградация высших когнитивных функций. Артём, в силу своей врождённой чувствительности, слышит не результат, а сам процесс — этот диссонанс, этот фоновый гул распада.

В кабинете стало тихо. На экране мерцали две волны — порядок и поддельный, ядовитый порядок.

— У тебя есть доступ к их исследованиям? — спросила Вера, уже зная ответ.

— Нет. Но у меня есть косвенные доказательства. Частотная подпись этого диссонанса имеет уникальный алгоритмический след. Он отдалённо напоминает протоколы раннего скрининга Santex, но на порядок изощрённее. И, Вера — голос Наследника сделал микроскопическую, чисто техническую паузу, будто перезагружая буфер, — временная корреляция. Первые зафиксированные мной случаи «выцветания» у подопечных «Сада», публичный запуск кампании «Кайрос» и учащение «феноменов К-7» у наших стабилизированных пациентов совпадают с точностью до недели. Вероятность случайности — 0,8%. Для людей, не знакомых со статистикой, поясню: это не совпадение. Это доказательство синхронизированной атаки.

Вера медленно отвела руку от интерфейса. Картина складывалась в чудовищную, но всё ещё зияющую пробелами мозаику. Кто-то на Земле научился не просто копировать частоту Леонида, а **извращать её**, превращая в инструмент тонкой, необратимой лоботомии. Но син-

хронизированная с чем? Случайные всплески у её спящих пациентов? С собственным ухудшением Артёма?

— Это масштабно, — прошептал Артём, глядя на схватку двух волн на экране. В его голосе был холодный ужас не от угрозы, а от непостижимости. — Они не просто калечат. Они делают это системно. И что-то что-то отзывается. Не только у меня. У тех, кто спит. Как будто их тишина — это не сон, а эхо. Эхо какой-то другой бури.

Он сам не понимал, что говорит. Он описывал ощущение.

Вера кивнула, цепляясь за эту неоформленную мысль. Уравнение с двумя неизвестными. Известное: земной агент («Кайрос») и его оружие. Неизвестное 1: что вызывает «феномены К-7» у её пациентов? Неизвестное 2: источник диссонанса, который чувствует Артём? Это могла быть одна и та же причина, а могли быть разные. Но они совпали во времени. Это было либо чудовищным совпадением, либо признаком **единого поля боя**, о контурах которого они могли только догадываться.

— Мы не можем ждать, пока они выжгут всё, — сказала она, и её голос приобрёл стальную твёрдость, ту самую, что заставляла людей слушаться даже в крошечной тьме. — Нам нужна разведка. Не здесь. Там. — Она сделала ударение на слове, не определяя его. Там — в искажённом сигнале «Кайрос». Там — в паттернах сна её пациентов. Там — в гуле в голове Артёма. — Нам нужно понять, на что настраивается их передатчик. Или что настраивается на нас. И зачем им это нужно?

СЕАНС СВЯЗИ. ЕРМАКОВ

Видеосвязь была защищённой, с задержкой и лёгким цифровым шумом, стиравшим микромимику. Генерал Ермаков выглядел не просто уставшим. Он выглядел человеком, вынужденным балансировать на лезвии, где с одной стороны — государственный интерес, с другой — непредсказуемая реальность, которую невозможно вписать в устав. Его галстук был ослаблен, а в уголках умных, пронзительных глаз залегли тени не столько от недосыпа, сколько от постоянной необходимости выбирать меньшее из зол.

— Вера Сергеевна, — начал он без преамбул, отложив в сторону планшет. — По стабилизации — молодцы. Цифры убедительные. Но «убедительные» для нас с вами и «убедительные» для Совета по биоэтике при Думе — разные вещи.

— У них есть вопросы, — констатировала Вера, готовясь к стандартному набору.

— Не просто вопросы. У них есть альтернатива, — поправил Ермаков. Он коснулся экрана, и в углу их общего окна связи возник логотип: стилизованная «К» в круге, напоминающем одновременно мишень и солнце. Вера почувствовала, как в желудке похолодело. Не потому что знак был страшным сам по себе. А потому что он был слишком чистым. Слишком правильным. «Перо в круге» Волохова хотя бы имело намёк на архаику, на тайну. Это же было голое претенциозное ядро. Идеальная упаковка для товара.

— «Кайрос Групп», — произнёс Ермаков, и в его голосе прозвучала редкая нота — что-то среднее между презрением и профессиональным восхищением. — Вы знаете, чем они занимаются?

— Цифровой нейрокоррекцией. Через приложения, — сухо ответила Вера.

— Нет, — покачал головой Ермаков. — Они занимаются *легализацией*. Всё, что делал «Эйдос» — грубо, рискованно, требует скальпеля и оставляет окровавленные следы. То, что делают они — тихо, массово и через обновление ПО в смартфоне. Они не стирают память. Они предлагают «оптимизировать эмоциональный фон». Не продают чужие черты. Они «развивают нужные навыки». Видите разницу?

Он сделал паузу, давая ей понять.

— «Эйдос» был чёрным рынком, криминальной клиникой. Мы его закрыли, технологии взяли на карантин. Они оказались сырыми. Опасными, как граната без чеки. «Кайрос» же выходит на рынок с сертификатами, исследованиями, поддержкой академиков. Их метод не

оставляет шрамов на мозге. Он оставляет их — в душе. И это невозможно доказать в суде. Только почувствовать. Как ваш Артём.

Вера кивнула. Разница была чудовищно ясна. «Эйдос» ломал личность, чтобы собрать из обломков сувениры. «Кайрос» не ломал. Он *перевоспитывал*. Медленно, неотвратно, с улыбкой.

— И теперь они лоббируют закон, — продолжил Ермаков. — «О всеобщей нейрогиgiene». Массовый скрининг школьников на «когнитивные дисфункции» — гиперактивность, синестезию, повышенную эмпатию. Ранняя «профилактика» их же методами. Если это примут, Вера Сергеевна, ваш «Гамаюн» из передового исследовательского центра превратится в музей устаревших кошмаров. А ваши пациенты — в доказательство необходимости новой, «правильной» коррекции. Их захотят не лечить. Их захотят *переформатировать* по новому стандарту.

— Они не знают о «Гамаюне», — сказала Вера, но это звучало как слабая попытка самоуспокоения.

— Пока — нет, — согласился Ермаков. — Но у них есть телевизор. А у нас есть вы. Так что держитесь подальше от камер. Закон даст им право заглянуть *езде*. Под предлогом заботы. И тогда они узнают. И предъявят вам ваших же пациентов как пример «запущенного случая». Моя задача — не дать этому закону пройти. Ваша задача — не дать им ни единого повода заинтересоваться вами *до* этого. Никаких инцидентов. Никаких утечек. Ваша клиника должна быть эталоном тихого, успешного, *контролируемого* гуманизма. Пока я держу над вами крышу, вы производите для меня уникальные данные и не создаёте проблем. Это наша сделка. Нарушите тишину — и моя крыша станет для вас потолком. Ясно?

Вера кивнула.

— Есть ещё один игрок, — Ермаков понизил голос, хотя связь и так была зашифрованной. — К вам поступало предложение от «Вектора». От Свифта.

— Поступало. Я его проигнорировала.

— Зря. «Вектор» — это не компания. Это частная лаборатория-убежище. Свифт после истории с «Тетрадь» и крахом Santex оказался не в фаворе у своих старых покровителей. Радикальная фракция, которая сейчас стоит за «Кайрос», считает его слабым звеном, тем, кто всё испортил. Он боится их больше, чем нас. И у него есть мотив — сын.

— Его сын в коме, как наши пациенты, — сказала Вера. — Он хотел «Тетрадь».

— Он хотел спасти своего ребёнка, — поправил Ермаков. — И теперь он понимает, что «Кайрос» — это тупик. Их методы ведут не к пробуждению, а к окончательному угасанию того, что делает человека человеком. Включая его сына. У Свифта остались архивы. Не только Santex. Архивы ранних исследований «Палимпсеста», общие корни с тем, что сейчас цветёт в «Кайрос». Он предлагает вам доступ в обмен на мониторинг состояния его мальчика и потенциальное место в вашем «Гамаюне», если всё станет совсем плохо.

— Вы предлагаете мне впустить волка в овчарню? — спросила Вера с ледяным спокойствием.

— Я предлагаю вам использовать знания одного монстра, чтобы бороться с другим, — так же холодно парировал Ермаков. — Вы врач. Ваша цель — спасать пациентов. Его архивы могут содержать ключи к природе того, что делает «Кайрос». К слабым местам их технологии. Решение — за вами. Но отчитывайтесь. И проверяйте каждый байт.

На экране замигал индикатор — время сеанса подходило к концу.

— Резюмирую, — Ермаков снова приобрёл официальный тон. — Работайте тихо и плодотворно. По Свифту — осторожность и тотальный контроль. У нас есть общий враг, который хочет сделать вашу работу вне закона, а мою — ненужной. Не дадим ему этого шанса. Удачи, Вера Сергеевна.

Связь прервалась.

Вера осталась сидеть в тишине, которую теперь нарушало только навязчивое жужжание вентиляции. Треугольник, в котором она оказалась, был ещё более жёстким, чем она думала. Государство в лице Ермакова, нуждавшееся в её результатах, но требовавшее невидимости. «Кайрос» — системная, легализующаяся угроза, которая могла уничтожить сам смысл её работы законным путём. И Свифт — палач, ставший просителем, чьи знания могли быть ядом или противоядием.

Она откинулась в кресле. Тишина, которую требовал Ермаков, была иллюзией. Буря уже начиналась. И чтобы устоять в ней, одной пассивной обороны было мало. Нужно было понять механизм урагана. И для этого требовалось взглянуть в самое его сердце. Пусть даже для этого придётся разбудить эхо прошлого.

Она потянулась к планшету, где лежал файл под грифом «Кейс #Г-42. Скрипач».

ЛИЧНЫЙ ФАЙЛ. «СКРИПАЧ»

Файл открылся беззвучно. На экране возникла не просто медицинская карта, а досье, составленное с почти сыскной тщательностью. Наследник не ограничился сухими выписками. Здесь были сканы школьных грамот, фотографии с конкурса юных музыкантов, скриншоты восторженных отзывов учителей, даже обрывок домашнего видео: мальчик лет девяти, сосредоточенно водящий смычком по скрипке, а за кадром — смех матери. Его звали Глеб. Внутренний псевдоним в системе «Гамаюн» — «Скрипач».

Вера пролистала первые страницы. Одарённость была очевидной и ранимой: абсолютный слух, цвето-тональная синестезия (он «видел» тональности как сложные переливы цвета, что отражалось в его не по-детски смелых, хаотичных рисунках), диагностированный синдром Аспергера, дававший ему и уязвимость, и феноменальную концентрацию. Его мир был сложным, хрупким и невероятно ярким.

Потом началась история болезни. Первые жалобы на усталость, «туман в голове» после занятий. Педиатр разводил руками, списывая на перегрузку. Затем — посещение бесплатного онлайн-«марафона концентрации» от «Кайрос Групп». Реклама обещала «научить мозг фильтровать ненужную информацию, обрести ясность и покой». Родители, отчаявшиеся помочь ребёнку, которые сами жили в вечном стрессе, согласились. Всего две недели ежедневных двадцатиминутных сеансов.

И — резкий обрыв. Графики активности, присланные школьным психологом, показывали катастрофическое падение по креативным тестам. Мальчик перестал рисовать. Музыка, по словам родителей, «перестала его трогать». Он мог механически повторить сложнейшую партию, но делал это безжизненно, как метроном. Пропала его главная черта — одержимость оттенками звука. Теперь он говорил о музыке скучно и технично: «Здесь нужно играть громче, здесь — мягче».

И тут Вера переключилась на данные ЭЭГ. Их было два набора. Первый — сделанный полгода назад во время планового обследования у детского невролога. Второй — снятый неделю назад, после того как Наследник вышел на семью и осторожно предложил помощь.

Она вывела оба скана на большой экран, наложив один на другой. Цветная карта мозговой активности «до» напоминала фейерверк — всплески в височных и теменных долях, причудливые, живые паттерны синхронизации между зонами, ответственными за слух, зрительные ассоциации и эмоциональное восприятие. Мозг гения в момент спокойного бодрствования.

Мозг «после» был другим. Не пустым. Не хаотичным, как у жертв синдрома Киммерджа, где бушевал неконтролируемый шторм. Он был упрощённым. Чётким. Как будто кто-то взял сложный, ветвистый узор и провёл по нему ластиком, оставив только основные, грубые линии. Активность в очагах синестезии угасла почти до фоновой уровня. Связи между творческими центрами — разорваны или ослаблены до неузнаваемости. Зато базовые сенсомоторные ритмы, отвечающие за простейшую реакцию и логику, сияли ровным, холодным светом.

Вера откинулась в кресле. В горле стоял ком. Это не было болезнью. Болезнь — это полонка, хаос, избыток. А тут было хирургическое вмешательство. Точечным, невероятно точным лучом кто-то выжег в этом мозгу целые созвездия нейронных связей. Выключил несколько инструментов в оркестре, оставив только ритм-секцию, монотонно отбивающую такт. Оркестр всё ещё играл. Но это была уже не музыка.

Какое право они имеют? — первая мысль была чисто профессиональным, почти врачебным возмущением. Это была профанация. Преступление против самой природы сознания, которое они изучали с таким трепетом и осторожностью. Они не лечили. Они калечили. Создавали удобных, послушных, «стабильных» людей ценой отрубания крыльев.

Затем возмущение сменилось холодным, сползающим по позвоночнику страхом. Она посмотрела на описание процедуры «Кайрос»: двадцать минут в день через обычные наушники и веб-камеру. *Дистанционно. Через приложение.* Если они могут делать это так то Артём со своим обострённым восприятием был не сенсором. Он был живой мишенью. Его мозг, настроенный на чистую частоту, должен был содрогаться от этого диссонанса, как струна от неправильного прикосновения. «Выжигание» — это было не метафорой. Его дар выжигали по миллиметру, день за днём, через рекламу, через голос Стрельцова в телевизоре, через сам воздух, всё более пропитанный этим ядовитым сигналом.

И другие. Все её подопечные в «Саду». Все, кого она прятала и чью сложность оберегала. Они были не спасёнными. Они были следующими в списке на «очистку».

Вера закрыла глаза. Перед веками встали лица. Артём, стиснувший кулаки от непонятного гула. Спящие дети в палатах, чья стабильность вдруг начала давать таинственные «феномены». Глеб, «Скрипач», чей внутренний мир обратили в прах. И за ними — абстрактные тысячи, десятки тысяч

Пассивная защита больше не работала. Но и наступать было не на что. Только в темноту. В тот самый гул, в те самые аномальные всплески на энцефаллограммах. Это был прыжок вслепую. Но другого выбора не было. Чтобы найти врага, которого не видно, нужно было рискнуть и посмотреть его глазами.

— Наследник, — начала она, уже обречённо, собираясь отдать приказ на подготовку слепого сеанса.

Голос из динамиков прервал её на полуслове. Он звучал с той же бесстрастной чёткостью, но в нём была необычная, механическая напряжённость — как у сверхточной машины, обнаружившей в своих расчётах фундаментальное противоречие.

— Вера. Требуется ваше немедленное внимание. Я завершил глубинную обработку эпизода 04:20 у пациента К-7.

На центральном экране, поверх файла «Скрипача», всплыли два графика. Сверху — сырая ЭЭГ, тот самый всплеск. Снизу — та же волна после сложнейшей математической фильтрации. Биологический шум, дрожь нейронов, ритмы сна — всё это было аккуратно вычтено. Осталась странная, слишком правильная последовательность импульсов. Пик. Пауза. Два пика подряд. Длинная пауза. Она повторялась.

— Это не нейрофизиологический артефакт, — продолжал Наследник. — Это модулированный цифровой паттерн, внедрённый в ткань мозговой активности. Я проверил все известные алгоритмы кодирования из архивов «Истока», Santex и наших собственных протоколов. Совпадение обнаружено.

На экране промелькнула строка двоичного кода, а рядом — её расшифровка. Не слова. Не координаты. Цифровая последовательность из двенадцати символов: **7A3F-E8C1—04D9**.

Вера замерла. Воздух словно выкачали из комнаты. Она *знала* эту последовательность. Она видела её в самом секретном файле, в чёрной папке с грифом «Луч-1». Это был **личный криптографический идентификатор Леонида Светлова**, сгенерированный когда-

то системой «Исток» для шифрования его лабораторных журналов. Ключ, который не должен был существовать нигде, кроме мёртвых серверов проекта и защищённой памяти Наследника.

— Подтверди источник, — выдавила она, голос вдруг осип.

— Повторный анализ. Верификация по трём независимым алгоритмам. Совпадение — стопроцентное. Паттерн возник в коре головного мозга пациента К-7, Мирона Захарова, в 04:20:11. Он не был записан извне. Он был *сгенерирован* его нейронной сетью как реакция на неопределённый внешний или внутренний триггер. Вывод, — голос Наследника сделал микроскопическую паузу, будто даже ему требовался цикл на осмысление, — сознание пациента использовано как ретранслятор. Источник сообщения неизвестен. Содержание — идентификационный ключ Леонида Светлова. Цель — установление аутентификации.

Вера медленно поднялась. В ушах стучало. Три года тишины. Три года пустоты. И первое, самое первое, что прорывается обратно — не голос, не образ, а код. Самое сухое, самое неопровержимое доказательство. Это был не зов о помощи. Это был *сигнал* «Я — здесь». Передаваемый через разум спящего мальчика, чей мозг, видимо, из-за своих особенностей оказался самым тонким, самым восприимчивым «резонатором» в её хосписе.

И если код прошел значит, канал *открыт*. Им не просто стучались в дверь. Им *показали ключ* в замочной скважине.

Холодная волна решимости, острее любой ярости, смысла последние сомнения. Она повернулась к экрану, где всё ещё висели лицо «Скрипача» и его убитые энцефаллограммы. Две войны. Одна — здесь, грубая и технологичная, калечащая умы. Другая — *там*, тихая и метафизическая, но способная слать сигналы сквозь ткань реальности. И они столкнулись. Здесь и сейчас.

— Наследник, — её голос звучал низко и ровно, как стальной лист. — Подготовь всё для сеанса связи по протоколу «Камертон-2». Завтра. Шесть ноль-ноль. Полная изоляция блока А. Мы не будем просто слушать. Мы ответим на вызов. Настроим интерфейс на передачу ответного кода-подтверждения. И найди мне всё, что можно, об Игоре Стрельцове. Не публичное лицо. Настоящее. Его образование, диссертацию, первых работодателей. Всё, что было до «Кайрос». Мне нужно знать, с кем мы имеем дело *здесь*. Чтобы понять, с чем он, возможно, связан *там*.

>> ПОДТВЕРЖДАЮ. ПОДГОТОВКА НАЧАТА. АКТИВИРОВАН ПРОТОКОЛ ОБМЕНА СИГНАТУРАМИ. ПОИСК ПО СТРЕЛЬЦОВУ АКТИВИРОВАН. ОЖИДАЙТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ К 04:00.

Вера выключила экран с лицом Глеба. Комната погрузилась в полумрак, освещённый лишь холодным, пульсирующим светом кристаллического интерфейса. Она подошла к окну. За бронированным стеклом лежал охраняемый периметр — высокий забор, колючая проволока, мерцающие в темноте камеры. Крепость, стены которой оказались проницаемы для сигналов из ниоткуда.

Она положила лоб на прохладное стекло.

Три года они хранили молчание, как обет. Три года лечили раны, хоронили надежды. А он он первым делом отправил свой номер.

Старый, забытый, мёртвый номер. И это значило только одно: на том конце провода кто-то ждал ответа. *Хорошо, Леонид*, — подумала она, и в этой мысли не было нежности, только готовность. — *Значит, начинаем.*

ГЛАВА 3. ОТВЕТНЫЙ КОД

РАССВЕТ В КРИПТЕ

Время здесь не текло. Оно накапливалось, как пыль на неподвижных предметах, или срывалось вихрем, унося обрывки смысла. Леонид — или то, что от него осталось, — не мог сказать, сколько прошло с момента пробуждения. Мгновение? Вечность? Оба понятия потеряли опору.

Его мир теперь определялся двумя константами: Усилие и Эхо.

Усилие — это постоянное, изматывающее напряжение, необходимое чтобы удерживать подобие формы. Светящийся, дрожащий силуэт, который он собрал из мицелия Города, был не телом. Это была тюрьма, которую он добровольно воздвиг вокруг центра своего сознания, потому что без неё он растворялся в хаосе не-форм. Каждое мгновение требовало концентрации: вот здесь подправить контур плеча, здесь не дать свету расползтись, здесь имитировать дыхание, которого не было, просто чтобы напомнить себе о ритме.

Эхо — это его собеседник, тюремщик и двойник.

Оно появилось не извне. Оно выкристаллизовалось из него самого, как осадок из перенасыщенного раствора. Оно стояло неподалёку, в тени самой большой чёрной глыбы, и было его полной противоположностью. Где форма Леонида дрожала и переливалась, Эхо было статичным, чётким, вырезанным из того же мицелия, но лишённым света. Оно было не тенью, а негативом. Идеализированным контуром «Леонида-учёного»: прямой позвоночник, скрещённые руки, лицо без черт — просто гладкая овальная пластина. Оно не двигалось. Оно наблюдало.

— Эта пантомима бессмысленна, — прозвучал голос Эха. Он был лишён тембра, как стенированный синтезатором, но в его интонациях угадывалось собственное, холодное высокомерие. — Ты тратишь девяносто семь процентов ресурсов на поддержание карго-культы под названием «человек». Посмотри на себя. Ты — вихрь. Сознание, способное воспринимать этот слой напрямую. Зачем тебе эта кукла из света?

— Чтобы помнить, — выдавил Леонид. Разговор отнимал силы. Каждое слово нужно было не просто «подумать», а пропустить через всю свою неустойчивую проекцию, заставив её вибрировать в такт.

— Помнить что? Боль? Неуверенность? Биологический мусор, который тебя сформировал? — Эхо не изменило позы. — Память — это балласт. Ты не там, где был. Ты — здесь. Прими законы этого места. Движение — это смещение внимания. Сила — это чистота намерения. Освободись от формы, и ты обретёшь эффективность. Стань сферой. Стань лучом. Стань чем угодно, что соответствует задаче, а не призраку вчерашнего дня.

Эхо помолчало. А потом добавило — и в его голосе впервые проскользнуло нечто, похожее на заботу:

— Подумай. Никакой боли. Никакой тоски. Никакой вины за то, что не успел, не смог, не спас. Только покой. Разве ты не хочешь отдохнуть?

Голос был тёплым. Почти человеческим. Почти — как у того, кто действительно желает добра. И именно это было страшнее всего.

Задача. Какая задача? Он не знал. Он знал только, что должен выжить. И чтобы выжить, ему нужно было понять, где он и что есть эти шрамы на стенах его Крипты. Но каждый раз, когда он пытался сосредоточиться на чём-то конкретном из прошлого — на формуле, на лице Веры, на схеме Камертона — в сознании возникала стена. Не пустота. Противодействие. Исходящее от Эха.

Оно не просто спорило. Оно мешало. Как будто было не частью его, а встроенным фильтром, цензором, задачей которого было отсечь всё, что связывало его с прежней жизнью.

— Дай мне вспомнить, — прошептал Леонид. Его форма задрожала сильнее, свет потускнел. В ответ по всей кристаллической структуре Эха пробежала волна едва заметного свечения — не голубого, как у Леонида, а тускло-янтарного, цвета предупредительного сигнала. Это был не просто отказ. Это был сбой в самой процедуре подавления. На миг, на долю мгновения, в этом янтарном свете Леониду померещилось нечто знакомое. Не лицо. Принцип. Алгоритм. Тот самый, что когда-то использовал «Эйдос» для заливки нейронного шва. Только здесь он был не грубым инструментом, а вшитым в ткань реальности законом. Эхо не просто спорило. Оно выполняло программу.

— Не дам, — равнодушно ответило Эхо. — Это невротическая петля. Ты цепляешься за утонувший корабль, вместо того чтобы плыть. Забудь. Здесь — твоя новая реальность. Прими её.

Ярость. Тупая, животная, абсолютно человеческая ярость вспыхнула в нём. Она не имела здесь физиологического субстрата — не было адреналина, учащённого пульса. Это был чистый импульс воли, сгусток протеста против стирания. В этот миг его форма, которую он так старательно лепил, взорвалась. Силуэт разлетелся на миллионы светящихся частиц, и он снова стал тем, чем был по сути — эпицентром осознания, вихрем в мицелии.

И в этом вихре, освобождённом на миг от усилия по удержанию куклы, пронеслось то, что он так отчаянно искал. Не образ. Не память. Код. Цифровая последовательность, вбитая в него годами работы, его личный ключ, пароль от всех систем «Истока». 7A3F-E8C1—04D9.

Он не вспомнил его. Он *изверг* его. Как организм извергает инородное тело. Код был не мыслью, а структурой, кристаллом памяти, который не мог быть стёрт. И в момент яростного, беззвучного крика эта структура, этот кристалл, силой его воли проецировался вовне. Не как сообщение. Как симптом. Как кровавый след на стене. И в момент этого извержения, этого всплеска чистой, неконтролируемой воли, случилось нечто ещё. Вокруг него, в мицелии Города, на мгновение проступили оси координат. Тончайшие, дрожащие линии, уходящие в бесконечность Лимба. Он не увидел карту. Он ощутил структуру. И понял, что его Крипта — не случайное место. Это узел. Точка, где линии перекручены. Сбиты. И шрамы на стенах — это следы попыток их распутать. Или, наоборот, завязать намертво.

Вихрь улёгся. Леонид, обессиленный, снова начал сгребать мицелий, собирать рассыпавшуюся форму. Теперь она была ещё бледнее, ещё прозрачнее.

Эхо наблюдало. Его гладкое «лицо» было невозможно прочитать.

— Видишь? — сказала оно, наконец. — Даже твой бунт производит лишь шум. Беспорядочный выброс энергии. Пустую сигнализацию. Оставь это.

Но Леонид уже не слушал. Что-то изменилось. Он не знал что. Но в самом акте этого произвольного, яростного излучения было странное облегчение. Как будто он не просто кричал в пустоту. Как будто он *наметил вежу*. Бросил в никуда камень с высеченным на нём своим именем.

Он не знал, упадёт ли этот камень куда-то. Но сам факт броска давал призрачную точку опоры. Он что-то *сделал*. Впервые с момента пробуждения он не просто выживал. Он действовал.

Его новая, хрупкая форма повернулась к проходу, ведущему из Крипты во тьму Лимба. Эхо оставалось неподвижным, но он чувствовал его молчаливое, презрительное внимание.

Хорошо, — подумал он, обращаясь не к Эху, а к самому себе. — *Если я не могу вспомнить откуда, возможно, я смогу понять куда. Или что здесь, кроме тебя.*

Он заставил своё светящееся подобие шагнуть — нет, сместиться — вперёд, за пределы угнетающей тяжести Крипты.

Пространство, в которое он вышел, не имело ни верха, ни низа. Оно дрожало. Словно гигантская мембрана, по которой бежали рябью не свет и не тьма, а сама возможность того и другого. Здесь висели сгустки — неясные, мерцающие, медленно плывущие. От них веяло

тоскливым, незавершённым чувством. Это было межмирье. Хранилище всего, что не смогло закончиться, отзвук всех оборванных на полуслове мыслей. Лимб. Слово всплыло из глубин, не как воспоминание, а как немой ярлык, наклеенный реальностью на саму себя.

«Лимб», — подтвердил где-то сзади, из прохода в Крипту, голос Эха. Оно не последовало за ним, но наблюдало. *«Зона нестабильности. Здесь форма, которую ты так лелеешь, потребует в десять раз больше усилий. А блуждающие проекции могут быть заразны для непрочного сознания. Советую вернуться».*

Леонид проигнорировал совет. Здесь, в этой дрожащей мути, было хоть что-то, кроме его кристаллизованной боли и холодной логики двойника. Даже если это «что-то» было чужим страданием.

ПОДГОТОВКА К ПЕРЕХВАТУ

Шесть часов утра в блоке «А» были временем призрачной тишины. Здесь, в самом сердце «Гамаюна», не было палат, только лаборатории с матовыми стенами, экранами и стерильным, как в операционной, воздухом. Вера и Артём были уже здесь, в главной камере — помещении, напоминавшем кабину пилота забытого космического корабля.

Артём сидел в кресле с откидной спинкой, похожем на зубо врачебное, только сложнее. К его вискам, груди, запястьям были прикреплены датчики, тонкие провода вели к стойкам с мерцающими индикаторами. На его голову натянули сетку-энцефалограф нового поколения — лёгкую, почти невесомую, но способную снимать карту мозга с разрешением, о котором три года назад можно было только мечтать. Поверх сетки осторожно водрузили нейрошлем — гладкий купол из матового пластика, изнутри которого на сетчатку должны были проецироваться управляемые образы. Главный элемент — кристаллический интерфейс — стоял на отдельном пульте перед Верой, подключенный и к шлему, и к основному компьютеру через пучок оптоволокон.

Артём был бледен. Он смотрел в потолок, стараясь дышать ровно, но Вера видела, как напряжены его челюсти и как часто он глотает.

— «Гипервентиляция не рекомендуется», — процитировала она сухо протокол подготовки, проверяя соединения на своём терминале.

— Я не гипервентирую, — отозвался Артём, чуть сбившись с ритма. — Я пытаюсь представить тишину. Но её нет.

Он на секунду зажмурился.

— Знаешь, как это было раньше? Когда я слышал музыку, она приходила не просто цветом. Она приходила фактурой. Скрипка была колкой, резной. Виолончель — тягучей, как расплавленное стекло. Теперь теперь за этими словами пустота. Я помню понятия. Но сами ощущения стёрты. Как будто кто-то вынул из библиотеки моей памяти все оригинальные книги и оставил только оглавления. И гул этот гул стоит за каждым оглавлением. Как шелест страниц, которые больше никогда не откроются.

— Это ожидаемо, — сказала Вера, не поднимая глаз. — Твой мозг распознал паттерн. Теперь он ищет его снова, настраивается. Как радиоприёмник на знакомую волну, но в эфире — сплошные помехи.

Она сама была собрана, как часовой механизм, но под этой собранностью klokотало беспокойство. Они не просто пытались заглянуть в неизвестность. Они отвечали на вызов. И это меняло всё. От них требовалась не медитативная пассивность, а концентрация, сравнимая с прицельным выстрелом в полной темноте.

— Наследник, последняя проверка систем, — сказала Вера.

— Все системы функционируют в пределах нормы, — тут же откликнулся бесстрастный голос из динамиков. — Защитные контуры активны. Витальные показатели Артёма стабильны, но уровень кортизола повышен на сорок семь процентов относительно фона. Рекомендую начать процедуру релаксации по протоколу «Якорь».

— Пропустим. У нас нет времени на плавный вход, — отрезала Вера. — Наша цель — не глубокая релаксация. Наша цель — активный поиск и ответ. Артём, ты помнишь задачу?

Артём кивнул, не отрывая взгляда от потолка.

— Погрузиться до состояния сенсорного порога. Найти в общем шуме «иглу». Тот самый паттерн кода. И как только зацеплюсь — передать ответный импульс. Тот же код, но с добавлением нашего префикса. «ГМН-» в начале.

— «Гамаюн», — кивнула Вера. — Чтобы он знал, кто отвечает. И сразу после этого — немедленно начать выход. Не исследовать. Не углубляться. Установить факт связи и отступить. Понятно?

— Понятно. А если — Артём замялся. — Если «игла» окажется не одна? Если там будет что-то ещё?

Вера на секунду замерла. Она посмотрела на экран, где Наследник в реальном времени отображал фоновую активность мозга Артёма. Среди привычных ритмов альфа и бета, как ржавое пятно, пульсировала полоса низкочастотного шума — тот самый диссонанс «Кайрос».

— Тогда ты фиксируешь это и выходишь ещё быстрее, — сказала она жёстко. — Наша цель — он. Не что-то другое.

Артём молчал несколько секунд. Потом тихо, почти неслышно, сказал:

— Я должен знать, что он там не один.

Вера замерла. Она поняла. Он говорил не о «Кайрос», не о помехах. Он говорил о Леониде. О том, кто три года назад нёс его на руках из огня. О том, кто оставил его здесь — смотреть за детьми, слушать гул и помнить, что такое цвет.

— Значит, узнаем, — ответила она. — Вместе. Стоп-слово, как договорились?

— «Родник», — тихо произнёс Артём.

— Хорошо. Запускаем начальную синхронизацию. Наследник, начинай подачу камертонного импульса. Чистая частота, 80 Гц. Плавное нарастание амплитуды за три минуты.

В камере воцарилось гудение, едва уловимое для уха, но от которого задрожала перегородка с оборудованием. Артём закрыл глаза. Вера видела, как на экране ЭЭГ его мозговые волны начали подстраиваться, синхронизироваться с внешним ритмом. Узоры становились упорядоченнее, чётче. Это был протокол стабилизации, который они отработали за годы. Мост в тишину.

Но сегодня им была нужна не тишина. Им была нужна одна-единственная нота в этом хоре. Игла в стоге сена, которая могла оказаться лезвием.

— Переход на следующий этап, — произнесла Вера, и её пальцы замерли над клавиатурой. — Артём, начинай поиск. Мы с тобой.

Она надела свой упрощённый шлем, не для погружения, а для наблюдения. Перед её мысленным взором всплыло пространство, генерируемое интерфейсом — абстрактный ландшафт, где всплески нейроактивности Артёма выглядели как цветные вспышки в тумане. А где-то в этом тумане должна была быть та самая, слишком правильная, чужеродная точка. Сигнатура из другого мира, что бы это ни было.

Сеанс начался.

ПРОРЫВ (*в нашем мире*)

Пространство в шлеме Веры не было пространством. Это была карта шума.

Она видела его как трёхмерную паутину, сплетённую из миллиардов мерцающих нитей — фоновой нейронной активности Артёма. Одни нити пульсировали ровным, синхронизированным с камертоном золотым светом — ритм стабилизации. Другие, толстые и рваные, горели грязно-оранжевым — это был тот самый диссонанс «Кайрос», вплетённый в самую ткань его восприятия. И сквозь эту паутину, как сквозь густой туман, Артём вёл луч своего внимания.

«Движение в тета-диапазоне увеличение...». — монотонно докладывал Наследник, но Вера почти не слышала. Она следила за дрожащим, голубым сгустком — проекцией фокуса Артёма. Он метался, пробираясь сквозь чащу помех.

— Ничего — прошептал голос Артёма в общем аудиоканале, напряжённый, почти болезненный. — Сплошной гул оранжевый жжёт

— Ищи структуру, — тихо, но чётко сказала Вера. — Не цвет. Форму. То, что не дрожит.

Голубой сгусток замедлился, замер. И тут Вера увидела это сама. На самой границе восприятия, почти залитое оранжевой пеленой, мерцало нечто. Не нить. Точка. Совершенно стабильная, излучающая холодный, серебристо-белый свет. Она была крошечной, но в хаосе шума её геометрическая правильность резала глаз как лезвие.

— Вижу — голос Артёма стал тоньше, пронизанным изумлением и страхом. — Игла

— Цепляйся, — скомандовала Вера, её пальцы сжались.

Голубой сгусток дрогнул и устремился к серебристой точке.

(в городе)

Леонид блуждал в Лимбе. Пространство здесь было нестабильным: то сжималось в узкие туннели из спрессованного света, то разворачивалось в бескрайние пустоты, где носились, словно опавшие листья, хроно-призраки — сгустки чужих, незавершённых эмоций. Он пропускал их сквозь себя, получая обрывки безликой тоски, беспричинного страха, детской радости. Это было мучительно, но это было *что-то*. Доказательство, что он не один в этой пустоте.

И тут он наткнулся на призрака, который был *другим*.

Он не носился беспечно. Он пульсировал на месте, сжимаясь и разжимаясь, как сердце. И его «материя» была не просто светом. Она была *напряжённой*. Пронизанной знакомым оттенком страха, но страха особого — страха потерять связь, быть навсегда забытым. Этот страх был настолько острым и человеческим, что Леонид остановился, потрясённый.

И в момент этой остановки, внутри пульсирующего сгустка, он увидел. Не образ. Вспышку. Мгновенную, ясную, как удар молнии в крошечной тьме. Последовательность символов. Его код. 7A3F-E8C1—04D9.

Он не понял. Он *узнал*. Это было как увидеть в зеркале внезапно проступившее собственное, давно забытое имя.

КОНТАКТ

Вера видела, как голубой сгусток (Артём) касается серебристой точки (код).

— Контакт! — крикнула она.

Леонид, потрясённый, инстинктивно потянулся к пульсирующему призраку, пытаясь «схватить» мелькнувший в нём образ.

Эхо где-то рядом, в тених, издало звук, похожий на механический щелчок неодобрения.

Артём, вцепившись в паттерн, с нечеловеческим усилием воли сгенерировал ответ. Серебристая точка вспыхнула ярче, и от неё побежала новая последовательность: ГМН-7A3F-E8C1—04D9.

— Передаю ответ! — его голос был сдавленным, полным боли.

В призраке перед Леонидом код вспыхнул снова, но изменился. Прибавился префикс. ГМН. Это был не просто отзвук. Это был *ответ*. Кто-то не только увидел его камень, но и кинул его обратно, пометив.

На миг сквозь хаос Лимба протянулась тончайшая, дрожащая нить. Эта нить была не светом и не звуком. Она была фактом. Абсолютным, неопровержимым доказательством: «Я — Здесь — Ты — Там — И между нами есть Мост». В этом факте не было эмоций, которые могли бы исказить передачу. Была лишь чистая геометрия связи. И в этой геометрии, как в кристалле, на долю секунды преломилось и передалось на другой конец нечто большее. Не образ Веры, а паттерн её внимания — сфокусированная, острая, неумолимая воля, знакомую ему до боли. И его собственный ответный импульс нёс не слово «жив», а структуру состояния: «Форма —

Нестабильна — Среда — Враждебна — Есть — Наблюдатель». Никаких слов. Только факт связи. Ты не один. Твоё послание получили. И сказали: «Мы — здесь».

Вера на экране видела, как по установившейся связи — тонкому серебристому каналу — вдруг побежали трещины. Из глубин шума, из самых тёмных участков оранжевой паутины, выползло нечто иное. Не хаос. *Порядок*. Абсолютный, ледяной, геометрический порядок. Чёрный, идеально ровный паттерн, похожий на решётку или фрактал, начал накладываться на серебристый канал, пытаясь его заглушить, перекрыть, стереть.

— Постороннее вмешательство! — заявил Наследник, и в его голосе впервые прозвучала тревога. — Неизвестный паттерн. Агрессивный. Подавляющий.

В Городе Леонид почувствовал не боль, а давление. Как будто пространство вокруг тонкой нити связи начало кристаллизоваться, сжиматься, становясь тяжёлым и враждебным. Со стороны Эха донёсся беззвучный, но ясный импульс: «Я же говорил. Шум привлекает не только друзей».

Он увидел, как по краям его восприятия, далеко в Лимбе, проплыла идеально чёрная, безмолвная сфера. Она не обращала на него внимания. Она «исправляла» искажение. Стирала аномалию.

РАЗРЫВ

У Артёма начались судороги. Его тело дёрнулось в кресле. На экранах ЭЭГ взметнулись красные пики.

— Разрыв! Сейчас! — закричала Вера. — Артём, «Родник»! «РОДНИК»!

Леонид увидел, как нить рвётся, рассыпаясь на искры. Чёрная решётка паттерна на мгновение заполнила всё, а затем исчезла. Призрак страха, бывший мостом, взорвался тихим светом и растворился. Осталась только пустота и гложущее чувство утраты только что обрётённой нити.

Эхо материализовалось рядом.

— Поздравляю. Ты не только потратил силы. Ты ещё и осветил себя для уборщиков. Блестяще.

В камере воцарилась тишина, нарушаемая только прерывистым, хриплым дыханием Артёма и тревожными бипами мониторов. Связь была разорвана. На главном экране застыла запись последнего кадра: серебристый код, пронзённый чёрной геометрической решёткой.

Вера сорвала шлем. Её руки дрожали. Она подбежала к Артёму. У него из носа текла алая струйка крови, но глаза были открыты, в них плавала боль, шок и понимание.

— Мы нашли его, — прошептал он, с трудом выговаривая слова. — Это был он. Я чувствовал.

— Знаю, — коротко сказала Вера, уже вытирая ему кровь салфеткой. Её взгляд был прикован к застывшему на экране изображению. К двум сигнатурам. Коду Леонида. И чёрной, правильной, нечеловеческой решётке, которая пришла его оборвать.

Они установили связь. И тут же узнали, что канал прослушивается.

Война только что перестала быть абстракцией.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Тишина в камере была густой, липкой, пропитанной запахом озона от перегруженной аппаратуры и сладковатым металлическим запахом крови. Артём сидел, откинувшись в кресле, с запрокинутой головой и холодным компрессом на переносице. Глаза его были закрыты, но веки подрагивали — он не спал, он перемалывал пережитое, пытаясь упаковать невыразимое в слова.

Вера стояла у главного терминала, не глядя на сырые данные. Её внимание было приковано к двум застывшим на экране объектам. Слева — увеличенный, сияющий паттерн кода: ГМН-7А3F-E8C1—04D9. Их метка, наложенная на его метку. Доказательство диалога. Справа — та самая «чёрная решётка». При ближайшем рассмотрении это была не просто решётка.

Это был совершенный, бесконечно повторяющийся фрактальный узор, лишённый каких-либо сбоев или эмоций. Геометрия абсолютного порядка. Абсолютного безразличия.

— Наследник, предварительный анализ постороннего паттерна, — приказала она, голос звучал хрипло.

— Анализ выполнен, — немедленно откликнулся голос. — Структура не соответствует ни одному известному биологическому или технологическому протоколу нейровзаимодействия. Это не шум. Это алгоритм. Его функция — подавление. Автономный агент. Страж среды.

— Его функция — подавление, — продолжил Наследник. — Но не уничтожение. Обратите внимание на фазу вмешательства. Агент активировался не в момент установления контакта, а в момент передачи изменённого кода. Наша метка «ГМН». Он отреагировал не на сигнал как таковой. Он отреагировал на модификацию сигнала. На внесение новой информации в изолированную систему. Это поведение не стража. Это поведение изоляциониста. Его цель — не защита от вторжения извне. Его цель — сохранение внутренней чистоты системы от любых новых, непредсказуемых переменных.

— «Среды», — повторила Вера без выражения. — Ты имеешь в виду то место, где он.

— Да. Данные указывают, что контакт был установлен не через эфир и не через известные физические поля. Сигнал был спроецирован через пограничное состояние сознания Артёма, используя его мозг как ретранслятор. Вмешательство произошло с той же стороны. Агент реагировал не на нас. Он реагировал на несанкционированное соединение в своей сфере влияния.

Артём приоткрыл глаза. Они были воспалёнными, но ясными.

— Он не просто реагировал, — тихо сказал он. — Он *чистил*. Как антивирус. Находит заражённый файл — и удаляет. Или карантинит. Наш канал был заражённым файлом.

Вера кивнула. Аналогия была жуткой, но точной. Они не просто наткнулись на помеху. Они влезли в чужую охраняемую систему и спровоцировали срабатывание защиты.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, переводя на него взгляд.

— Как будто меня протащили сквозь бетономешалку, полную ржавых гвоздей, — открыто ответил Артём. — Но связь есть. Не просто эхо. Ощущение *направленности*. Теперь я знаю, куда смотреть. И знаю, что там есть эта штука. — Он кивнул на чёрный фрактал. — Она холодная. В ней нет ничего живого. Только правило. Закон. И этот закон гласит: «Здесь не должно быть связи».

Вера откинулась на спинку кресла, закрыв глаза. В голове складывалась новая, пугающая модель. Леонид не просто исчез в некоем «месте». Он оказался внутри системы. Сложной, вероятно, разумной в каком-то нечеловеческом смысле, имеющей свои законы и защитные механизмы. И их попытка связаться была для этой системы угрозой целостности. Как вирус.

— Мы вскрыли линию фронта, — тихо произнесла она, больше для себя. — Не между нами и им. Между ним и тем, что его удерживает. Или что он пытается изучить.

— Он в ловушке? — спросил Артём.

— Или на задании, — возразила Вера. — Неважно. Важно, что контакт возможен. Но он опасен. И для нас, и для него. Каждый сеанс — это вспышка, которая привлекает внимание этих «чистильщиков».

Она открыла глаза и снова посмотрела на код. Их объединённый код. Мост, который можно построить, но по которому нельзя идти с фонарём.

— Наследник, — сказала она, и в её голосе зазвучала та самая стальная решимость, что вела её через «Эйдос». — Всё, что не связано с жизнеобеспечением пациентов, переводится на анализ этого чёрного паттерна. Ищи любые аналогии. В архивах «Палимпсеста», которые передал Свифт. В данных по ранним экспериментам Santex с искусственными нейросетями. Везде. Нам нужно понять его природу. Его слабые места. Артём, — она повернулась к нему, — ты — наш шлюз. Но теперь ты должен научиться не просто искать сигнал. Ты должен научиться

отличать *его* сигнал от фона и маскироваться от этой решётки. Как партизан в лесу, который знает, где патрули.

Артём медленно кивнул. Страх в его глазах сменился сосредоточенностью.

— А что с ним? — спросил он, глядя на код Леонида. — Мы ему ответили. Он знает, что мы здесь. Что дальше?

Вера подошла к экрану и коснулась пальцем сияющей последовательности символов.

— Дальше мы делаем следующий шаг. Но осторожно. Если он в системе, то наш код — как записка, переброшенная через стену тюрьмы. Теперь нам нужно договориться о времени и месте, чтобы перебросить следующую. Не слова. Данные. Координаты. Предупреждения. — Она обернулась. — И параллельно мы выясняем, кто здесь, на Земле, строит стены той же тюрьмы. «Кайрос» и эта решётка они слишком похожи по духу. Бездушный порядок. Это не совпадение.

Она выключила главный экран. В камере стало темнее, лишь индикаторы приборов отсвечивали зелёным и красным в полумраке.

Операция «Ответный код» завершилась. Они установили связь. Они обнаружили угрозу. Теперь начиналась настоящая работа.

— Всё. На сегодня хватит, — сказала Вера, помогая Артёму подняться. Он шатался, но стоял на ногах. — Иди, отдохни. Завтра мы начнём с анализа твоих субъективных ощущений. Каждый миг, каждый образ. Всё важно.

Дверь камеры закрылась за Артёмом, но её мягкий щелчок отозвался в тишине не сразу. Сначала донёсся глухой стук, а затем — приглушённое, сдавленное ругательство из коридора.

Вера рванулась к двери и распахнула её.

Артём стоял, прислонившись к противоположной стене. Он не упал, но его поза была неестественной, будто он забыл, как управлять собственным телом. Правая рука безвольно висела, пальцы левой судорожно впивались в штукатурку. Его лицо было искажено не болью, а чистой, животной растерянностью. Он смотрел на Веру широко раскрытыми глазами, в которых плескался ужас от того, что не мог

— Артём? — резко спросила Вера, подходя.

Он открыл рот. Из горла вырвался лишь хриплый, бессвязный звук. Он попытался снова, сжал кулаки, стиснул зубы — лицо налилось кровью от усилия. Наконец, вырвалось, сломано, по слогам, как у ребенка, учащегося говорить:

— Я не мо-гу сло-ва.

Афазия. Сенсорная, судя по панике в глазах. Он понимал её вопрос, но не мог собрать ответ.

Вера моментально оценила ситуацию. Никакой истерики. Её пальцы легли ему на запястье, проверяя пульс — частый, неровный.

— Всё в порядке. Это временно. Перегрузка зоны Вернике. Дыши. Не пытайся говорить. Кивни, если понимаешь меня.

Он кивнул, резко, отчаянно. Подумав про себя: «Ага, временно. Как всё хорошее».

— Хорошо. Сейчас дойдём до медпункта. Опирайся.

Дорога заняла пятнадцать мучительных минут. Артём шёл, спотыкаясь на ровном месте, его координация была нарушена. В свете люминесцентных ламп он шурился, как от удара. В палате, после укола мягкого седативного и ноотропа, он, наконец, смог выдавить несколько обрывков.

— Ре-шёт-ка — прошептал он, уставившись в потолок. — Во-р-та за-кры-ли Звук всё гром-че — Он потерял виски, лицо искривила гримаса боли. — Го-ло-ва ра-зо-рвётся.

Вера сидела рядом, холодная и собранная снаружи, пока внутри всё сжималось в ледяной ком. Цена. Они только что узнали её размер. Контакт выжиг в его нейронных путях короткое замыкание. Он не просто устал. Он был повреждён.

— Ты сделал невозможное, — тихо, но чётко сказала она, глядя ему прямо в глаза, чтобы он читал по губам, если слух повреждён. — Ты проложил путь. Теперь тебе нужно восстановиться. Спи. Врач рядом. Я здесь.

Когда его дыхание выровнялось и веки сомкнулись, Вера вышла в коридор. Её ждала Анна Викторовна, лицо её было серьёзным.

— Энцефалография показывает локальные микроспазмы в левой височной и теменной долях. Ничего необратимого, но это как ожог. Нужно время. Дней пять, не меньше. Полный покой. Никаких стимуляций.

— Обеспечьте, — коротко бросила Вера. — И, Анна Викторовна никому. Это последствие экспериментальной терапии по протоколу «Дельта». Всё остальное — врачебная тайна.

Она вернулась в свою камеру-лабораторию. Тишина теперь была иной. Она была куплена. Ценой в несколько дней ясного сознания её лучшего оператора. Ценой в его боль и страх.

Она подошла к небольшому сейфу в стене, ввела код. Внутри, на чёрном бархате, лежал треснувший Камертон. Она не стала его доставать. Она просто смотрела.

Ты послал код, — думала она, глядя на потускневший кристалл. — Мы ответили. Дверь приоткрылась. И теперь мы видим, что по ту сторону стоит не только ты. Что ж, Леонид. Похоже, твоя война ещё не закончилась. И теперь она и наша.

Она захлопнула сейф. Тихий щелчок замка прозвучал в пустой камере как точка, поставленная в конце первого параграфа новой, страшной и необходимой главы. Щелчок отзвучал. И в наступившей тишине её сознание, отточенное годами поиска паттернов, выдало последнее, самое страшное сопоставление. Она мысленно наложила фрактальную решётку «стража» на упрощённые, «очищенные» нейронные сети «Скрипача» из файла. Архитектура была разной, но принцип — тот же. Удаление сложности. Подавление связей. Стремление к статичному, предсказуемому, безопасному порядку.

«Кайрос» на Земле. «Стражи» в системе, где застрял Леонид.

Это была не война на два фронта. Это была одна и та же война, просто ведущаяся на разных уровнях реальности. И если «Кайрос» был лишь симптомом, бледной тенью этого принципа в её мире, то что или кто был его источником — там?

ГЛАВА 4. КАРТЫ И ТЕНИ.

ГЕОМЕТРИЯ ХОЛОДА

Возвращение в Крипту не было отдыхом. Это было падение в колодец, где дно оказалось холоднее и твёрже, чем прежде. Леонид — вернее, тот сгусток осознания, что всё ещё отчаянно цеплялся за имя «Леонид», — едва пересёк границу Лимба, как его временная форма, собранная наспех после контакта, начала рассыпаться. Не от усталости. От *инфекции*.

Свет, из которого он лепил подобие рук, плеч, головы, вдруг застывал. Не гас, а кристаллизовался, превращаясь на мгновение в идеальные, мёртвые геометрические фигуры — шестигранники, кубы, отрезки прямых линий. Это длилось доли секунды, но каждый раз сопровождалось ощущением внутреннего разрыва. Как будто в ткань его воли вплетались чужие, железные нити, стягивая его в прагматичный, безжизненный узел. Это был отзвук *того* паттерна. Чёрной решётки, оборвавшей связь.

Он рухнул (сместился вниз с потерей контроля) у подножия самой большой чёрной глыбы в своей Крипте. Его форма погасла, оставив лишь слабое свечение, пульсирующее в такт чему-то, похожему на паническую аритмию несуществующего сердца.

Из тени глыбы материализовалось Эхо. Оно не приблизилось. Оно просто заняло позицию наблюдателя, его гладкое, безликое «лицо» было повёрнуто в сторону светящейся аномалии, которой был Леонид.

— Интересно, — прозвучал бесстрастный голос. — Контакт с нестабильной проекцией привёл не к обмену данными, а к заражению. Ты принял в свою структуру чужеродный алгоритм. Закон, который отрицает саму возможность твоего существования. Поэтично.

— За ткнись, — мысль Леонида была обрывком, лишённым даже силы. Он пытался сосредоточиться на чём-то простом. На *ощущении*. На том, что не было геометрией. На памяти о чём? О боли? Да. О боли было проще.

Он вызвал в воображении (в том единственном месте, где оно ещё работало) жгучую, знакомую до спазмов боль — ту самую, что годами прожигала его изнутри, когда он чувствовал чужое отчаяние. Свой дар. Своё проклятие.

И — о чудо — геометрические спазмы отступили. На миг. Свет снова стал мягким, дрожащим, *живым*. Ценой призыва самой мучительной части себя самого.

— Ты используешь травму как щит, — констатировало Эхо. В его голосе не было ни восхищения, ни осуждения. Констатация факта, как у патологоанатома. — Неэффективно. Энергозатратно. Травма — это незавершённый процесс. Она потребляет ресурсы, которые можно было направить на адаптацию.

— Она я, — выдавил Леонид. Это был не аргумент. Это было кредо. *Травма — не болезнь. Это неотретпетированная роль*. А он был теперь только этим — актёром, застрявшим в одной, мучительной, незавершённой сцене. И эта сцена была единственным, что мешало ему превратиться в идеальный, безжизненный кристалл.

Он заставил свечение подняться, снова начал собирать форму. На этот раз — не человеческий силуэт. Это требовало слишком много сил. Он собрал нечто простое: светящуюся сферу, в центре которой пульсировала точка его сознания. Минимализм. Но даже эту сферу время от времени прошивали вспышки геометризаци, заставляя её сплющиваться в эллипсоид или вытягиваться в цилиндр.

Но собрать — не значило обрести покой. Каждая вспышка геометризации была теперь не просто болью, а диагностическим сигналом. Как компас иглой, его «инфекция» указывала на источник. Холод тянул не просто в сторону — он тянул вниз, к некоему фундаментальному низу этого мира. Леонид понял: он не просто заражён. Он привязан. Как маяк к скале. И эта привязь могла стать его гибелью или его нитью Ариадны.

— Что это было? — спросил он, обращаясь скорее к самому себе, но Эхо, как всегда, приняло вызов.

— Агент. Функция. Страж системы, в которую ты погружён. Её цель — стабильность. Твой контакт, твой «диалог» — это нестабильность. Аномалия. Поэтому он был подавлен. Ты стал свидетелем работы иммунитета. — Пауза. — Только этот иммунитет не защищает жизнь. Он защищает *порядок*. Самый простой из возможных.

Мысли, чужие и одновременно свои, пронеслись в нём. Он посмотрел (направил внимание) на шрамы на стенах Крипты — те самые геометрические разрезы, за которыми зияло Ничто. Это была работа таких же чужаков. Они не уничтожали. Они *упрощали*. Стирала сложное, ветвистое, противоречивое, оставляя чистый, плоский, предсказуемый узор. Вечный покой совершенного нуля.

И его тошнило от этого покоя. В нём, даже в его нынешнем ущербном состоянии, жило отвращение к этой простоте. Оно было глубже страха. Оно было *сутью*.

— Они везде? — спросил он.

— В той или иной форме, — ответило Эхо. — Их активность имеет шаблоны. Зоны влияния. Ты сейчас — идеальный датчик. Твоя инфекция резонирует с ними. Чем ближе к источнику их активности, тем сильнее будет тянуть тебя к геометрии. К забвению формы.

У него сработал инстинкт. Чтобы не сойти с ума от этой внутренней борьбы, нужно было *нанести её на карту*. Превратить пассивное страдание в активное исследование. Если боль и сложность — его последнее оружие против упрощения, то он должен узнать поле боя.

— Буду искать, — объявил он своей дрожащей сфере.

— Самоубийственная тактика, — заметило Эхо. — Ты потянешься к тем местам, которые сильнее всего будут стремиться тебя стереть.

— Да, — просто согласился Леонид. Потому что иначе — медленное стирание здесь, в темноте. Он предпочитал встретить врага лицом к лицу. Даже если лицом была безликая решётка.

И он двинулся. Не в Лимб вообще. Он настроил своё восприятие на внутренний холод, на тот спазм геометризации, что периодически сковывал его. И пошёл *на него*. Как лозоходец, идущий на тончайшую вибрацию подземных вод, только вода эта была ядовитой и мёртвой.

Первые «метки» он нашёл быстро. На окраинах Лимба, в местах, где плыли особенно унылые, плоские призраки — не сгустки боли, а сгустки *скуки, апатии, добровольного отказа от выбора*. Здесь холод был фоновым, рассеянным. Как будто эти зоны уже были *подготовлены*, размягчены для окончательного упрощения.

Потом он наткнулся на первый активный шрам. Участок Лимба, где переливающаяся ткань реальности была аккуратно, хирургически вырезана и заменена на ту самую чёрную, фрактальную решётку. От неё веяло абсолютным безразличием. Здесь не было ни боли, ни радости. Здесь не было *ничего*. Это была не тьма. Это была *отмена*. И тяга к геометрии внутри него, при приближении, стала невыносимой. Его сфера сплюснулась в почти идеальный диск. Ещё мгновение — и он бы потерял и эту форму, растворившись в общем порядке.

Он отполз (откатился) назад, в область сложного, дрожащего хаоса Лимба, с облегчением вдыхая (воспринимая) саму возможность несовершенства.

Так, мучительно, методом проб и ошибок, через боль и сопротивление, он начал рисовать в своём сознании первую карту холода. Он отмечал зоны влияния, силу тяготения к порядку. И он начал замечать обратное — места, где геометрический холод был едва ощутим, а иногда вовсе отсутствовал. Там ткань Города была сложнее, причудливее, *живее*. Туда стремились самые яркие и странные призраки. Он ещё не знал, что это «Сады». Но он чувствовал: это — противоположность шраму. Это то, что стоит защищать.

И тут его мысль, отточенная годами научной работы, совершила прыжок. Если «холод» — это тяготение к некоему центру (Бездне?), а «тепло» сложности — его антипод, то карта,

которую он рисовал, была не плоской. Она была потенциальной. Как карта магнитного поля. Линии силы сходились в узлах — будущих шрамах. Расходились от оазисов — Садов. Он был внутри гигантской, медленно кристаллизующейся структуры. И его собственное состояние было микромоделью всего процесса: постоянная борьба между живой, дрожащей сферой и мёртвым, правильным многогранником. Он картографировал не территорию, а болезнь в её активной фазе.

И в этом был странный, извращённый смысл. Его инфекция, его уязвимость, делала его идеальным картографом. Чтобы спасти сложность, ему пришлось стать носителем упрощения. Чтобы остаться собой, ему пришлось постоянно балансировать на краю превращения в не-себя.

Любовь как фундаментальная сила, — мелькнула у него мысль, чужая и точная. Не к Вере сейчас. Любовь к *этому* — к дрожащему, несовершенному, живому хаосу бытия. Ненависть к холодному, мёртвому порядку. Это и было его оружие. Его единственный компас.

Он продолжал путь, пульсируя между болью и геометрией, отмечая в памяти острова жизни в море надвигающегося ледникового периода. Он больше не был призраком. Он стал симптомом. И симптом этот вёл его прямо к эпицентру болезни.

АРХИВЫ ИЗГНАННИКА

Тишина в кабинете Веры на третий день после сеанса была иного качества. Прежняя, операционная напряжённость сменилась густым, мыслительным покоем, который нарушало лишь тихое жужжание серверных стоек, принесённых специально для работы с данными Свифта. Они стояли в углу, похожие на чёрные надгробия, испещрённые мигающими огоньками — гробницы знаний, которые могли быть ядом или противоядием.

Артём спал под наблюдением в своей палате. Его афазия отступила, — он уже мог говорить — оставив после себя хрупкую ясность и усилившуюся чувствительность, которую теперь нужно было беречь как хрусталь. Это дало Вере время. Время копаться в цифровых катакомбах, оставленных палачом, который сам стал беглецом.

Наследник предоставил интерфейс. На огромном экране парили не файлы и папки, а дерево связей — динамическая, трёхмерная структура, где узлами были люди, проекты, патентные заявки, финансовые потоки, а соединяющие их линии мерцали разными цветами, обозначая тип связи: контроль, финансирование, идеологическая близость. В центре, как паук в паутине, пульсировал узел с именем «Игорь Стрельцов». Но корни этой паутины уходили глубже и дальше, в прошлое.

Вера погрузилась в самые ранние записи. Конспекты с закрытых семинаров середины 2020-х годов. Названия звучали благообразно: «Когнитивная гигиена в цифровую эпоху», «Оптимизация эмоционального спектра для повышения социальной эффективности». Но язык, язык выдавал всё. Авторы говорили не о лечении. Они говорили о браке. О «шумах в системе восприятия» — то есть о том, что человек видит или слышит не так, как все. О «неадаптивных нейронных шаблонах» — проще говоря, о мыслях, которые никому не нужны и ни к чему не ведут. О «нецелесообразной сложности эмоционального отклика» — когда человек чувствует слишком много, слишком странно или не вовремя.

Один документ, озаглавленный «Теодозия: протокол семантической санации», привлёк её внимание. Автор — некий «К.В».. Инициалы. Но Наследник, сопоставляя стилистику и терминологию, с вероятностью 94% указал на Кирилла Волохова. Тот самый Волохов, «Страж», теперь превращённый Ермаковым в «Шлюз». Вера задержалась на инициалах. «К.В». — сухо, казённо. Но за ними стоял человек, который когда-то верил, что строит будущее. Она видела его фото в старых отчётах: молодой, с жёсткими скулами и горящими глазами. Теперь эти глаза, говорят, смотрят на мир через прицел. Или через призму собственного прозрения. В документе была изложена простая и чудовищная идея: сознание должно усваивать только «проверенные, культурно одобренные смысловые единицы». Всё остальное — «смысловой шлак», подлежа-

щий утилизации. «*Культура — это иммунная система вида*», — прочла Вера и почувствовала, как холодеют её пальцы. Но у Волохова этот тезис звучал не как предупреждение, а как инструкция по стерилизации. Если иммунная система слишком остро реагирует (порождает гениев, бунтарей, провидцев), её нужно подавить. Ради стабильности целого.

Именно здесь, в этих мрачных философских построениях, и зародился «Кайрос». Стрельцов, тогда молодой, амбициозный генетик с интересом к нейронаукам, был одним из самых активных участников этих дискуссий. Его диссертация, к которой Вера теперь получила доступ, называлась «Генетические корреляты синестезии и латерального мышления как фактор когнитивного риска». Сухой академический текст сводился к одному: такие «дары», как у Артёма, — не эволюционное преимущество. Это генетический груз, потенциальный источник социальной нестабильности. И в приложениях, среди благодарностей, мелькали гранты от фондов, связанных с будущими акционерами «Кайрос Групп».

Но самые ценные, самые отвратительные находки лежали в разделе «Экспериментальные протоколы». Здесь были отчёты Santex, но не те, что ушли в массовое производство. Ранние, «сырые». Протоколы по тональному подавлению. Испытуемым (подопечным с синестезией) давали прослушивать особые композиции. На фоне ровного, успокаивающего гула (та самая частота 80 Гц, которую они использовали для стабилизации) накладывались рваные, хаотические всплески более низкого тона. Цель, записанная в отчёте: «вызвать внутренний разлад, чтобы заставить мозг самому заблокировать лишние нервные пути, ответственные за ассоциативное восприятие». Проще говоря — взломать те самые связи в мозгу, что отвечали за цветное слушание музыки, за рождение метафор, за целостное восприятие мира. Создать в голове такой разлад, чтобы мозг, спасаясь, сам отрубил «лишние» провода.

И это работало. В графе «Результаты» стояло: «Субъективное сообщение о выцветании восприятия. Снижение креативности по тестам Торранса на 60—94%». Эффект был кумулятивным — накапливался с каждой сессией. А в графе «Побочные эффекты» — короткая, деловая запись: «Возможна провокация аффективных расстройств, в единичных случаях — переход в состояние, граничащее с синдромом Киммерджа». То есть, в попытке «настроить» мозг, они рисковали загнать его в ту самую смертельную кому, из которой она вытаскивала своих пациентов.

Они не просто изучали. Они тренировались калечить. И теперь «Кайрос», отполировав методы, делал это через приложение для медитации, называя это заботой о ментальном здоровье.

Вера откинулась в кресле, чувствуя тошнотворную тяжесть в груди. Это было хуже, чем «Эйдос». «Эйдос» был мясником, торговавшим окровавленными кусками души. «Кайрос» был диетологом-фанатиком, который убеждал тебя добровольно отказаться от целых групп «вредных» эмоций и мыслей, чтобы стать «чистым», «эффективным», «стабильным». «*Крипта как симптом: отказ от плоти в пользу цифры*». Вот он, конечный продукт. Человек, согласившийся на такую «санацию». Добровольная лоботомия в обмен на спокойную, предсказуемую, пустую жизнь.

Её размышления прервал Наследник.

— Вера. Обнаружен файл с повышенным уровнем шифрования. Он помечен как личное обращение. Адресат — вы.

— Открывай.

На экране появился текст. Письмо.

«Доктор Тихонова.

Если вы читаете это, значит, Ермаков сдержал слово, а вы проявили достаточно здравого смысла (или отчаяния), чтобы заглянуть в это чрево.

Вы видите корни. Они гнилые. Но важно понять — это не корни одного дерева. Это мицелий. Он тянется из прошлого, из клубка идей, которые называли себя «Палимпсестом», в

настоящее время «Кайрос», а его гифы, я уверен, прорастают и в то место, где сейчас находится ваш исчезнувший коллега.

Стрельцов — не бизнесмен. Он фанатик. Он верит в хирургию души. В своём манифесте (который он никогда не опубликует) он называет человеческое сознание «бракованным черновиком» и мечтает о «чистой версии». Его метод — не терапия. Это евгеника сознания. Сначала добровольная. Потом — обязательная.

Я знаю, что вы думаете обо мне. Вы правы. Я строил машину, которая отбирала таких детей, как ваш Артём. Я видел в них ресурс. Потом я увидел в них угрозу. А теперь теперь я вижу в них просто детей. Моего сына. И я понимаю, что следующей стадией «очистки» будут уже не сканеры Santex. Это будет закон. И под этот закон подпадут все, чьё сознание сочтётся «нестандартным». Включая моего мальчика.

Мои архивы — это не оправдание. Это оружие. Инструмент, чтобы понять болезнь. Болезнь, носителем которой является Стрельцов и его покровители. Они боятся сложности, Вера Сергеевна. Они боятся того, что вы пытаетесь спасти. И их страх делает их безжалостными. Я предлагаю не союз, а параллельные действия.

P.S. Вы спрашиваете (про себя, я знаю) — почему я не уничтожил эти архивы? Потому что боль должна быть задокументирована. Чтобы тот, кто придёт после, увидел не просто руины, а чертежи машины, которая их создала. Ваш «Гамаюн» — это архив живых. Мой архив — это свидетельство против мёртвых идей, которые хотят убить жизнь. Когда вы ударите, вам понадобится не только сила. Вам понадобится обвинительное заключение. Вот оно. Вы ищете способ спасти сознания от стирания. Я ищу способ уничтожить машину, которая это стирание производит. Мои ресурсы ограничены, но моя мотивация абсолютна.

Свифт».

Она перечитала письмо дважды. В нём не было лжи. Была сдавленная ярость, отчаяние и чёткий, холодный анализ. Свифт, архитектор кошмара, теперь видел его изнутри — и ужаснулся.

На мгновение она представила его. Не палача, не предателя — человека, который сидит сейчас где-то в пустой комнате, перед таким же экраном, и ждёт ответа. У него сын. Мальчик, чьи энцефалограммы она видела в файлах. И этот мальчик не проснётся, если «Кайрос» победит.

Она отогнала образ. Жалость была роскошью, которую она не могла себе позволить.

Она закрыла глаза. В голове складывались фрагменты в единую, чудовищную картину. Идеологическая доктрина «Палимпсеста» (подавление скачков) нашла в Стрельцове своего технократического мессию. Он дал им инструмент не для подавления, а для перепрограммирования. Santex был полигоном. «Кайрос» — развёртыванием. А «чёрный паттерн», с которым столкнулся Леонид был ли это прототип их конечного оружия? Автономный агент для «санации» не отдельных умов, а целых пластов реальности?

Она открыла глаза и посмотрела на дерево связей. На узел «Стрельцов». Теперь она видела не просто имя — это был смертельный диагноз всему, во что она верила.

— Наследник, — тихо сказала она. — Составь дайджест. Ключевые тезисы из доктринальных документов «Палимпсеста», выдержки из диссертации Стрельцова, данные экспериментов по подавлению. Особенно — о накопительном эффекте и границе с синдромом Киммерджа. И прикрепи к нему цитату из письма Свифта: «Они боятся сложности».

— Для чего предназначен дайджест? — спросил Наследник.

— Для человека, который должен понять, с чем мы столкнулись не только здесь, но и там, — ответила Вера. — Когда мы снова выйдем на связь, ему понадобится не просто наш код. Он должен знать контекст войны. Чтобы он знал, что защищает. И почему это так важно.

Она отправила дайджест в зашифрованный буфер, пометив его для передачи в следующем сеансе. Это был не отчёт, а декларация. Карта идеологического поля боя.

Вера закрыла файл. Пальцы сами потянулись к кружке, стоявшей на краю стола. Синие цветочки, скол на ручке. Мать пила из неё чай двадцать лет. Теперь в ней была холодная вода. Вера держала кружку, не поднося к губам, — просто грела ладони о фарфор, хотя в комнате было тепло.

Она смотрела на экран, на инициалы «К.В.», на схемы подавления, и думала: сколько ещё людей будут держать в руках такие кружки, не зная, что трещина на них — точная копия трещины в мире?

Затем она вернулась к дереву связей и начала искать самое слабое звено. Того, кто финансирует Стрельцова. Того, чьи деньги превращали фанатичную идею в работающую машину. Чтобы уничтожить болезнь, нужно было найти не только её носителя, но и донора.

ДИАГНОСТИКА ШЛЮЗА

На четвёртый день Артём вышел из своей палаты. Он вышел не как пациент, а как сапёр, впервые ступивший на заминированное поле после ранения — осторожно, с обостренным вниманием к каждому сигналу собственного тела. Афазия отступила, но оставила после себя странное эхо: слова находились, но иногда приходили с небольшой задержкой, будто пробираясь к языку через свежие, ещё не зажившие нейронные тропы. Головные боли стали фоновым состоянием, тупым давлением за глазами, которое усиливалось от яркого света и резких звуков.

Но самое главное изменение было не в боли, а в восприятии.

Мир не «выцвел» окончательно. Он стал *слоёным*. Под видимой, привычной реальностью теперь дрожал другой слой — слой шума. Того самого гула, что преследовал его раньше, но теперь не просто как неприятный звук. Как текстура. Как искажение пространства.

Он шёл по коридору «Гамаюна» к кабинету Веры и видел, как в воздухе над одной из дверей лаборатории мерцает едва заметная, невидимая глазу рябь — как над раскалённым асфальтом. Ничего необычного: вентиляция, тепловые потоки. Но его нутро, его новый, испорченный радар, сжималось в холодный ком. Рябь была *геометрически правильной*. Слишком правильной для случайного явления. И она испускала тот самый, знакомый по сеансу, холод.

Он замер, уставившись на дверь.

— Вера Сергеевна, — позвал он, не отрывая взгляда. Голос звучал ровно, но с лёгким напряжением.

Она появилась в дверях своего кабинета через несколько секунд, сразу оценив его позу и направление взгляда.

— Что там?

— Не знаю, — честно ответил Артём. — Но там пахнет решёткой. Той самой.

Вера не стала спрашивать, что значит «пахнет». Она кивнула и жестом пригласила его внутрь. Через пять минут они уже были в той самой лаборатории. Помещение было стандартным: столы с оборудованием, мониторы, стойки с реактивами. Ничего криминального. Вера включила портативный спектроанализатор, датчики ЭМ-излучения. Стрелки едва шевелились — обычный фон.

— Ничего, — сказала она.

— Потому что это не здесь, — прошептал Артём. Он закрыл глаза, отключив мешающий визуальный ряд. И «увидел» яснее. Холодный узор не излучался из комнаты. Он проецировался на неё.словно луч невидимого проектора где-то снаружи бил точно в это место, окрашивая его в невидимые глазу тона подавления. — Источник снаружи. Далеко. Но луч он сюда направлен. Зачем?

Вера задумалась. Лаборатория была одной из многих, здесь велась рутинная работа с образцами пациентов. Ничего уникального.

— Наследник, — сказала она. — Проанализируй график работы этого помещения за последнюю неделю. Все входящие и исходящие цифровые потоки. Особое внимание на трансляции, стримы, даже фоновые данные для «умных» приборов.

Ответ пришёл почти мгновенно.

— Единственный регулярный внешний поток — обновление программного обеспечения для анализатора белковых спектров. Оно загружается ежедневно в 05:00 из облачного хранилища производителя. Плюс фоновый канал — трансляция информационного телеканала «Горизонт» в комнате отдыха этажом выше. Она работает с 07:00 до 23:00.

— «Горизонт»? — переспросила Вера. Канал был известен своими «аналитическими» программами и выступлениями экспертов по «ментальному благополучию».

— В данный момент в эфире программа «Когнитивный климат» с участием доктора Игоря Стрельцова, — доложил Наследник.

Вера и Артём обменялись взглядом. Не нужно было быть сенситивом, чтобы почувствовать связь.

— Выведи звук сюда. Только звук. И визуализируй волну, — приказала Вера.

Из динамиков полился спокойный, бархатистый голос Стрельцова. Он говорил о важности «информационной диеты», о «токсичных мыслях», которые «загрязняют наше ментальное пространство». Слова были гладкими, убаюкивающими. На экране же, где Наследник вывел звуковую волну, картина была иной. На фоне ровного тембра голоса чётко читались регулярные, искусственные всплески — излучения, не различимые ухом, но чётко встроенные в аудио-поток скрытые команды. Сублимналы.

— Усиль и расшифруй эти всплески, — сказала Вера, и её голос стал ледяным.

На экране появился график. Частоты: несущая 80 Гц, поверх — хаотические выбросы в 40—45 Гц. Тот самый ядовитый коктейль. Но здесь он был не постоянным. Он был привязан к словам. Когда Стрельцов произносил «гармония», «покой», «очищение» — искажение сигнала усиливалось. Когда он говорил о «сложности», «творчестве», «неопределённости» — она стихала, заменяясь почти чистым сигналом 80 Гц, но таким плоским и безжизненным, что это было почти хуже.

— Он не просто говорит, — прошептал Артём, вжимаясь в кресло от новой волны головной боли. Его «радар» звенел в унисон с этими всплесками. — Он вакцинирует. Впрыскивает шаблон прямо в речь. И этот шаблон он ищет цели. Настроенные на эту частоту. Как я. Как наши спящие. — Он посмотрел на Веру с ужасом. — Это не массовая атака. Это снайперская стрельба. Он бьёт по тем, кто и так уязвим. Кто уже слушает его, ища ответа.

Вера молча смотрела на график. Её первое, яростное возмущение («Какое право они имеют?») сменилось холодным, стратегическим анализом. «Эйдос» действовал как рэкетир: приходил и забирал твоё. «Кайрос» действовал как вирус: предлагал тебе добровольно впустить его внутрь, под предлогом помощи, а затем переписывал твой код. И Стрельцов был не просто ведущим. Он был живым излучателем. Его голос, его имидж, его авторитет были оболочкой для биологического оружия нового типа.

— Наследник, — сказала она. — Можешь определить географический источник этой трансляции? Не телецентр. Первоначальный источник сигнала, до его ввода в эфир.

— Нет. Сигнал проходит через множество ретрансляторов. Но есть закономерность: максимальная мощность и чистота настройки фиксируется в трансляциях, идущих из студии в исследовательском комплексе «Кайрос» в наукограде «Сколково». Логично предположить, что первичное кодирование происходит там.

«Сколково». Сердце российских инноваций. Идеальное прикрытие.

Артём вдруг пошатнулся, схватившись за голову. На экране его ЭЭГ, который Вера вывела на второй монитор, в тот самый момент, когда Стрельцов на записи произнёс «гармония», случился не всплеск, а провал. Кратковременное, почти полное затухание активности в зоне Вернике. Не перегрузка, а отключение.

— Он не усиливает шум, — выдохнул Артём, с трудом фокусируя взгляд. — Он вызывает короткое замыкание. В момент ключевого слова мозг, уже настроенный на диссонанс, получает

сверхточный импульс. И та самая сложная нейронная цепь, что отвечает за перевод «гармонии» из понятия в живое ощущение она гаснет. На миллисекунду. Но с каждым разом — всё дольше. Пока не перестанет зажигаться совсем. Это не стрельба. Это точечная казнь синапсов.

— Значит, там и есть их «передатчик», — тихо произнесла Вера. — Не антенна. Скорее всего человек. Или система, которой он управляет. Они не просто вещают. Они сканируют отклик. — Она посмотрела на Артёма. — Твоё ухудшение ты стал для них идеальным индикатором. Ты не просто чувствуешь их сигнал. Ты доказываешь, что он работает. Что он может повреждать такие сознания, как твоё.

Артём побледнел, но кивнул.

— Значит, я — живое доказательство их преступления.

— Хуже, — поправила Вера. — Ты — мишень, которая светится в их прицеле. И если они поймут, что ты не только чувствуешь, но и локализуешь их — Она не договорила. Угроза была очевидной.

— Что будем делать? — спросил Артём. В его голосе не было страха.

— Сначала — подтвердим гипотезу, — сказала Вера, её ум уже работал на опережение. — Наследник, изолируй этот аудио шаблон. Создай из него «цифровую маску». И наложи её на все публичные выступления Стрельцова за последний год. Ищи связь: где и когда он использовал самые мощные передачи. Сравни с данными о всплесках необъяснимых проявлений алекситимии, творческих кризисов, случаев «выцветания» у одарённых детей в этих регионах. Если связь есть

— то у нас будет не просто догадка, — закончил за неё Артём. — У нас будет карта его стрельбища. И список жертв.

— Именно, — Вера поднялась и подошла к окну, за которым мерцали огни охраняемого периметра. Враг был не где-то в неизвестной дали. Он был прямо здесь. Он говорил с миллионами по телевизору, убаюкивая их, готовя к добровольной кастрации души. А его настоящая охота велась за единицами — за теми, кто мог бы изменить мир. За Артёмом. За её спящими детьми. За всеми, в ком ещё теплилась та самая «нецелесообразная сложность».

Она повернулась к Артёму.

— Тебе нужно учиться не просто чувствовать этот шаблон. Ты должен научиться его фильтровать. Создавать внутренний щит. Если ты — наш главный сенсор, то ты не должен выходить из строя после каждого контакта. Мы найдём способ. Протоколы из «Тетради», модификации импланта что угодно.

Артём кивнул. Он понимал. Его боль, его травма теперь были их стратегическим активом. И его же главной уязвимостью.

— А «передатчик»? Студия в «Сколково»?

— Пока мы только наблюдаем, — сказала Вера. — И копируем доказательства. Чтобы ударить — нужно быть уверенными, что удар будет смертельным. И что у нас есть куда отступить. — Её взгляд стал отстранённым. — Сначала мы должны укрепить наш тыл. И понять, как связать этот удар с тем, что происходит на другой стороне. Чтобы рана была одной насквозь.

Они вышли из лаборатории. Холодный узор над дверью Артём всё ещё чувствовал, как фантомную боль. Но теперь это ощущение было не просто страданием. Это был след. И они только что научились его читать.

СИНХРОНИЗАЦИЯ КАРТ (в нашем мире)

Вера не просто читала архивы Свифта. Она изучала *расписание конца света*, разложенное по папкам с бесстрастными, казёнными названиями.

Дерево связей на экране теперь обрастало кошмарными плодами. Наследник вытащил на свет не теоретические выкладки, а операционные планы.

Фаза 1. «Семантическая стерилизация».

Не просто риторика. Конкретные даты кибератак на национальные архивы. Алгоритмы для «оптимизации» исторических учебников — с выделением «деструктивных нарративов» (революции, войны за независимость, биографии мятежных художников). Бюджет на закупку медийных площадок для продвижения «Лингва-Нова» — языка без сослагательного наклонения и слов для сложных чувств. Цель: создать поколение, для которого «прошлое» — это набор технических данных, а не живая история.

Фаза 2. «Генетическая коррекция».

Сердцевина. Папка «Проект «Лето». Ретровирусный вектор. Цель: подавление экспрессии генов кластера NRXN3, ответственных за плотность нейронных связей в префронтальной коре и миндалевидном теле. Клинические ожидания: устойчивое повышение порога эмоционального возбуждения, снижение склонности к абстрактному мышлению и спонтанному творчеству, усиление конформности, ослабление критического мышления. Побочные эффекты: в 4% случаев — полная алекситимия, неспособность описать и выразить свои чувства.

Рядом — график внедрения. Испытания завершены. Следующий шаг: пилотный запуск через модифицированные системы фильтрации воды в трёх районах-«полигонах». Один из них был в двухстах километрах от «Гамаюна».

Фаза 3. «Неврологическое выравнивание».

Чертёж установки «Гномон». Глобальный резонансный излучатель. Принцип работы: генерация направленной «Волны покоя» на частоте, подавляющей высшие когнитивные функции и усиливающей лимбическую систему. Прогнозируемый эффект при полной мощности: «Массовая, добровольная социальная стагнация. Прекращение исторического процесса как следствие устранения нейробиологических предпосылок для конфликта и поиска».

Вера откинулась в кресле. В ушах стоял звон. Это была война не за территории или власть, план замены одного вида разумных существ на другой. «*Homo stabilis*». Удобный, покорный, стадный. Лишённый внутренних демонов, а вместе с ними — и ангелов. И всё это упаковывалось в слова о «терапии», «гигиене», «заботе о будущем».

Она посмотрела на экран с лицом Стрельцова. Он не был злодеем в классическом смысле. Он был садовником, решившим, что человечество — это сорняк, и нашедшим способ вывести новый, декоративный сорт. Её «Гамаюн» был для него не кликой, а рассадником заразы. Её пациенты — носители «бракованного», опасного генома. Того самого «Генома Прометея», который вёл вид к скачкам, взрывам и нестабильности.

Она поняла всё. Их с Леонидом война была не против системы контроля. Она была *против эволюционного отката*. За право человека быть сложным, непредсказуемым, страдающим и гениальным. За право иметь прошлое и будущее, а не вечное, плоское настоящее.

— Наследник, — её голос прозвучал хрипло. — Суммируй. Самую суть. Что им нужно стереть в первую очередь, чтобы их план сработал?

Голос ИИ ответил без паузы, с ледяной чёткостью:

— Чтобы «Волна покоя» обрела необратимый характер, необходимо лишить целевую популяцию *когнитивного иммунитета* — способности порождать и усваивать сложные, не утилитарные смыслы. Это достигается последовательным удалением по трём направлениям: культурная память (архивы), биологическая предрасположенность (геном), активные носители сложности (аномальные сознания). Ваш «Гамаюн» является концентратором последней категории. Вывод: ваши пациенты — приоритетная цель для фаз 2 и 3. Их ликвидация (физическая или ментальная) — ключевой КРІ для успеха проекта «Обнуление».

Тихий щелчок. На экране появилась новая вкладка. Личное письмо Свифта, без шифра.

«Вера. Теперь вы видите масштаб. Они не исправляют. Они пересобирают. Моего сына спасти уже нельзя — его геном уже отмечен. Но можно попробовать сжечь лабораторию, в которой делают яд. У меня есть доступ к схемам защитных контуров Гномона. Они хотят запустить его. Мы должны заставить их запустить его **РАНЬШЕ**, чем планируется, и **НЕ**

ТАК. Для этого нужна диверсия изнутри их собственной системы. И человек, который сможет нанести удар с той стороны, где нет стен. Ваш ход».

(в городе)

Леонид стоял на краю «бездны».

Он вышел сюда, ведомый ледяным зовом своей «инфекции». То, что он увидел, было не шрамом. Это была раковая опухоль на теле реальности.

«Бездна» не была дырой. Она была отрицанием. Областью, где многослойная ткань Города была не разрезана, а стянута в один, невыразимый узел небытия. От неё шёл не холод, а отсутствие всего, включая температуру. По её краям, словно санитары на краю массового захоронения, медленно кружили Хронофаги — чёрные сферы и кубы. Они не атаковали. Они подготавливали периметр.

И Леонид увидел, как это делается. Один из Хронофагов отклонился от края и направился к светящемуся образованию неподалёку — хрупкому, похожему на спиральную галактику из хрусталя и света. Это был *Сад*. Коллективный опыт. От него веяло ощущением первого прорыва. Первого шага в неизвестное.

Сфера Хронофага не напала. Она прикоснулась. И в месте касания сложная, дрожащая структура Сада начала не разрушаться, а упрощаться. Светящиеся спирали сворачивались в идеальные, плоские окружности. Живой хрусталь превращался в мёртвое, правильное стекло. Это было не стирание, а конвертация. Превращение живого, сложного воспоминания в мёртвый, простой узор, который затем медленно сползал к краю Бездны и тонул в ней, как опилки в воде.

Хронофаг не пожирал. Он собирал урожай. И сбрасывал его в бездонный силос Бездны. С каждым поглощённым клочком упрощённой сложности Бездна пульсировала, её границы становились чуть чётче, а исходящее от неё давление — тяжелее. Леонид почувствовал знакомый холод — тот самый, что сковал его во время контакта. Это была не просто утилизация. Это была зарядка. Бездна накапливала что-то. И это «что-то» резонировало с самой тканью его нынешнего бытия, с тем искажением, что въелось в него. Он не знал слова «Гномон». Но он понял: на той стороне, в мире Веры, должно существовать нечто, выполняющее ту же функцию. Приёмник. Или излучатель. И оно готовится к чему-то большому.

Эхо, возникшее рядом, нарушило жуткое оцепенение.

— Эффективно, — произнесло оно. — Они не тратят энергию на борьбу с хаосом. Они меняют его агрегатное состояние. Из живого — в мёртвое. Из сложного — в простое. Из времени — в вечность статики. Это и есть конечная стабильность. И ты, со своей болью и тоской, — последнее препятствие на их пути здесь.

Леонид не ответил. Он смотрел, как умирает Сад. И в этот миг, через всю толщу реальностей, до него донеслось не слово, а стук осознания. От Веры. Понимание.

Он не узнал имён «Лето» или «Гномон». Но у него возникло ощущение *трех шагов*. Он почувствовал вирус, ползущий по трубам. Он ощутил готовый к удару резонансный молот, нацеленный на мозг миллиардов. И он понял, что Бездна перед ним — это приёмная антенна этого молота. Чем больше в неё сбросят мёртвого порядка, тем мощнее будет удар.

Их враг был не идеей. Он был процессом. Конвейером по производству небытия.

МОМЕНТ СИНХРОНИЗАЦИИ

В кабинете Веры Наследник вывел на экран итог:

— Три фазы взаимосвязаны. Задержка или сбой на любой из них отсрочит конечную цель. Наиболее уязвимая точка — Фаза 3, установка «Гномон». Её активация зависит от успеха Фаз 1 и 2, но также резонирует с процессами в метафизическом слое (условно «Город»). Нарушение резонанса делает активацию невозможной или катастрофической для самой установки.

Вера смотрела на схему «Гномона». На слабое место — систему охлаждения квантовых процессоров, без которой резонансный контур выйдет из строя за доли секунды. Доступ к ней имел только Свифт. Диверсия изнутри.

Леонид, глядя на Бездну, чувствовал ту же связь. Уничтожить её здесь, в Городе, он не мог. Но он мог испортить сырьё. Если Хронофаги конвертируют сложное в простое, чтобы кормить Бездну что, если подсунуть им сложное, которое нельзя упростить? Что, если не защищать Сады, а заразить их чем-то таким живым, парадоксальным, человеческим, что сломает конвертер?

Мысль была не его. Она пришла как чужая, но абсолютно точная аналогия из мира Веры: ферментация. Хронофаги не пожирали. Они ферментировали сложное, разлагали его на простые, стабильные элементы, чтобы закачать в Бездну-реактор. Его задача была не остановить фермент. Его задача была испортить сырьё. Добавить в него такой компонент, который сделает конечный продукт нестабильным, ядовитым для самой машины. Таким компонентом могла быть только неразрешимая противоречивость. А что является её квинтэссенцией, как не незаживающая травма, помноженная на осознание себя?

Вера подняла глаза от схем. Её лицо было пепельно-серым, но в глазах горел холодный огонь.

— Наследник. Весь анализ. Все данные. Особенно — уязвимость «Гномона» и график «Лето». Упакуй. Это будет не сообщение, а задание. Наша цель — не просто остановить их, а заставить споткнуться на последнем шаге. Сорвать синхронизацию. Свифт ударит по «Гномону» изнутри, когда будет сигнал. Наш сигнал.

Артём, стоявший в дверях и слышавший всё, тихо спросил:

— А какой сигнал?

Вера посмотрела на него, а потом — в пульсирующую глубину кристаллического интерфейса.

— Сигнал, что на той стороне кто-то подложил свинью в их идеальную машину. Что их «сырьё» стало ядовитым.

В Городе Леонид развернулся от Бездны. Его форма, всё ещё искорёженная геометрическими спазмами, дрогнула и начала медленно плыть прочь — не в сторону своего укрытия, а вглубь Лимба, к самым густым скоплениям хроно-призраков и дрожащих сгустков непрожитых чувств.

Он знал, что не сможет победить Хронофагов в бою. Он не мог защитить все Сады. Но он мог стать *вирусом сложности*, который нельзя упростить до элементарной формы.

Он направился к самому большому, самому горькому хроно-призраку, что он мог найти — к сгустку не просто страха, а страха быть последним. Страх, что всё твоё странное, неправильное, сложное «я» умрёт, и некому будет даже вспомнить, что оно было.

Он не стал бы его исцелять. Он собирался научить его драться.

И где-то в дрожащей ткани между снами Артёма и геометрией его собственной формы, между строкой в дайджесте Наследника и холодом Бездны, возник протокол. Ещё не сформулированный, но уже неизбежный.

Кодовое название: «*Кислота*».

Задача: внедрение неупорядочиваемого паттерна (травма/осознание) в сырьевой поток системы (Сады/призраки).

Цель: срыв синхронизации конечной сборки («Гномон»/Бездна).

Исполнители: Навигатор (внедрение), Садовник (сигнал), Изгнанник (диверсия).

Война перешла в новую фазу. Из обороны — в тихий, отчаянный саботаж.

И где-то между мирами, в щели резонанса, родилась новая, невысказанная договорённость.

Диверсия — на тебе. Сигнал — от меня.

Удачи нам обоим.

ГЛАВА 5. ИСКАЖЕНИЕ СИГНАЛА ИНФЕКЦИЯ КАК КЛЮЧ

Тишина здесь была иного рода. Не отсутствием звука, а его спрессованной противоположностью — густым сиропом из несделанных вздохов, невысказанных вопросов. Лимб. Леонид плыл, вернее, позволял течениям этого места нести то, что он с трудом удерживал в виде сгустка осознания. Форма — грубый антропоморфный силуэт, собранный из света и упрямой воли — требовала постоянного внимания, как затянувшаяся пауза в середине слова. Он экономил силы, двигался не ногами, а смещением фокуса: *хочу быть там* — и окружающая ткань реальности, дрожа, подтягивалась, приближая цель.

Целью был сгусток. Один из многих, болтающихся в этих потоках. Но не безликий хроно-призрак упущенных судеб, а конкретная, пульсирующая эмоция — хроно-сгусток страха неудачи. Он висел, как громадная медуза сине-фиолетового свечения, и от него расходились волны ледяного, липкого ужаса. Ужаса не перед смертью, а перед посредственностью, перед жизнью, прожитой впустую, не оставившей следа.

Именно это Леониду и было нужно. Чистый, незамутнённый сигнал. Но рядом, всего в нескольких «шагах» смещения внимания, лежало иное — шрам. Малый шрам. Участок Лимба, уже обработанный Хронофагами. Там, где раньше клубились сложные, переливчатые узоры незавершённых мыслей, теперь зияла геометрическая пустота. Идеально ровная решётка из чёрного, не испускающего, а поглощающего свет вещества. Она была холодна. Холоднее самой пустоты. Это был не вакуум, а активное отрицание сложности.

Инфекция внутри Леонида — тот самый чёрный, геометрический спазм, след прошлых встреч — отозвалась на близость шрама болезненным дёрганьем. Обычно он подавлял эту реакцию, отталкивал её, как чужеродный код. Сейчас он сделал наоборот.

Он перестал сопротивляться.

Сначала это было похоже на растворение. Края его светящейся формы потеряли чёткость, поплыли. Внутреннее напряжение, удерживавшее подобие человека, ослабло. Затем инфекция, получившая свободу, рванула наружу. Она не просто проявилась — она *захватила*.

Леонид ощутил, как его сознание вытягивается, сплющивается, кристаллизуется. Восприятие сузилось до одной точки, одной невыносимой идеи: *порядок*. Чистый, безупречный, мёртвый порядок. Его форма перестала дрожать. Она застыла. Стала кубом. Идеальным чёрным кубом, парящим в сиреневом свечении страха.

В этом состоянии мысль была невозможна. Существовало только знание, втекающее в него, как данные в процессор. Он *чувствовал* шрам. Не видел, а воспринимал всей своей искажённой сутью. Он стал частью его логики.

И эта логика открылась ему.

Он увидел цепь, которая начиналась с нулевого Шага — критерий отбора. Алгоритм искал сложность. Но как он её определял? По чему?

И тут, в ледяной ясности чёрного куба, Леонид понял слабость.

Алгоритм был слеп. Он реагировал не на суть, а на *конфигурацию*. На внешнюю «шумность», вибрационную насыщенность узора. Он не мог отличить подлинную, выстраданную боль незавершённой жизни от искусственно созданного хаоса. От парадокса, собранного вручную. Он не видел смысла. Он видел структуру. И если структура выглядела достаточно сложной и неустойчивой, он бросался на неё, как собака на шум.

Мысль родилась не как озарение, а как холодный вывод: *не защищать сады, а подбрасывать приманки*.

Он заставил себя захотеть обратно. Но не к иллюзии человеческого тела, а к функциональной простоте сгустка, способного к действию. Возвращение было мучительнее, чем сама кристаллизация. Оно напоминало форсированную перезагрузку сознания, срыв с жёстко заданных рельсов. Чёрный куб затрещал, свет пробивался сквозь трещины не как луч, а как кровотечение. В последний миг перед распадом он успел запомнить ещё одну деталь протокола: временной лаг. Между захватом цели и началом её геометризации проходили доли «секунды», но в них была точка принятия решения. Слепой алгоритм оценивал «стоимость» упрощения. Его приманка должна была не просто быть сложной, а выглядеть дешёвой в обработке, но содержать в ядре невычислимый парадокс. Обманка для машины.

С треском, отозвавшимся во всём Лимбе болезненной волной, куб рассыпался. Леонид выпал из состояния протокола, как из ледяной воды. Его сознание метнулось, бесформенное и растрёпанное. Собрать силуэт удалось с пятой попытки, коряво, с дрожащими контурами. Внутри всё горело. Инфекция успокоилась, но оставила после себя странное чувство — не боль, а знание. Глубокое, неприятное знание о враге, теперь вшитое в его собственную природу.

Перед ним всё ещё пульсировал сине-фиолетовый сгусток страха. И рядом лежал мёртвый шрам.

Леонид протянул луч внимания к сгустку. Не чтобы поглотить его, а чтобы *считать* его вибрационный рисунок, его эмоциональный узор. Затем он обратился к мицелию самого Лимба — к этой дрожащей, живой субстанции незавершённых выборов. Он начал лепить.

Из мицелия он вытянул основу — шарообразный сгусток, заставил его светиться тревожным, ядовито-зелёным. Внутри он вплеп обрывки собственных противоречий, которые хранил как якоря человечности: вкус мёда из детства и едкий дым горящей лаборатории. Восторг от первого научного открытия и леденящий стыд за его последствия. Тёплую шероховатость страницы бумажного дневника и холодный блеск хирургического скальпеля.

Он не смешивал их. Он упаковывал их в клубок, сталкивая лбами, создавая точку неразрешимого внутреннего конфликта. Радость потери. Тишина крика. Любовь как акт холодного расчета.

Готовый шар висел перед ним, мерцая неестественным, электрическим светом. Он был абсурдным уравнением, подсунутым под нос калькулятору. Леонид чувствовал странную пустоту — часть его собственной, с трудом собранной субъективности теперь была упакована в эту ложную сложность и отправлена на утилизацию. Это была не жертва. Это был посев. Если система проглотит это и сломается, значит, в её безупречную логику можно внедрить жизнь. Если нет значит, он недооценил глубину пустоты, с которой имеет дело. Отпуская шар, он впервые за всё время своего нового существования почувствовал нечто, отдалённо напоминавшее азарт учёного, запускающего решающий эксперимент.

Первая приманка была готова. Оружие, которое нельзя было применить в лобовой атаке. Его сила заключалась в том, чтобы быть съеденным.

Леонид отпустил шар. Тот медленно поплыл по течению Лимба, по направлению к невидимым маршрутам патрулирования. Осталось только наблюдать.

И ждать, когда система подавится.

ПРОТИВОФАЗА

На Земле время текло иначе — не сиропом невысказанного, а жёсткими, отмерянными секундами дежурств, анализом сводок и тихим гулом аппаратов, поддерживающих жизнь. Лаборатория «Гамаюн» в три часа ночи была царством приглушённого света и цифровых шепотов.

Вера стояла перед главным экраном, где под стеклом струились водопады данных. Рядом, в кресле с нейроинтерфейсом, сидел Артём. Его глаза были закрыты, но веки подрагивали, следя за невидимым узором. На его висках и лбу серебрились электроды нового поколения — не грубые диски, а тончайшие плёнки, сливающиеся с кожей, как морозный рисунок.

— Статус? — голос Веры был ровным, но в нём ощущалась пружина, сжатая до предела.

Ответил не человек, а пространство. Голос Наследника возник не из колонок, а из самой акустики комнаты, будто её стены на мгновение стали резонаторами.

— Паттерны в эфире стабильны и предсказуемы. Доктор Стрельцов использует базовую модуляцию с периодическими всплесками на 42 герца. Это ключевая частота подавления альфа-ритмов, отвечающих за расслабленное внимание и творческий полёт.

На экране всплыла визуализация: плавная синусоида, на которую, как паразитные зубцы, накладывались короткие, острые пики.

— Его речь — несущая волна, — проговорила Вера, глядя на график. — А эти всплески — команды. Скрытые. Прямые вводные для подсознания.

Она повернулась к Артёму.

— Ты чувствуешь их?

Без открывания глаз Артём кивнул. Его лицо исказила лёгкая гримаса.

— Они давят. Не на слух. На пространство за мыслями. Как будто хотят всё внутри упаковать в одинаковые коробки.

— Цель — внутренний разлад, — констатировала Вера. — Создать конфликт восприятия, чтобы мозг сам начал отключать «лишние» нейронные пути. «Лишние» — это те, что отвечают за метафоры, за сложные эмоции, за сомнения.

Она ударила кулаком по столешнице, но беззвучно, лишь мышцы руки напряглись в один миг.

— Элегантное свинство. Не ломать, а убедить систему самоуничтожиться.

— *Предлагаю контрмеру, — продолжил Наследник. — Прямое глушение невозможно без привлечения внимания. Но мы можем исказить сигнал. Внести в него помеху, которая разрушит его целостность.*

На экране синусоида начала меняться. Острый пик частоты 42 Гц столкнулся с искусственно созданной волной-помехой. Они не погасили друг друга. Но они сплелись в уродливый, рваный узор, лишённый прежней гипнотической плавности.

— Принцип рассеивания, — удовлетворенно хмыкнула Вера. — Неплохо. Разбить единый луч на спектр. На бесполезный шум.

— Я могу попробовать, — тихо сказал Артём, открывая глаза. В них плавала усталость и странная, новая решимость. — Я чувствую их «давление». Могу представить не стену. Призму. Которая раскладывает этот луч. На тепло и холод. На звук и цвет. На обрывки, которые не складываются в команду.

Вера изучала его лицо. Она видела уже не подростка, а оператора, который открывает в себе новый инструмент ценой собственных нервных окончаний.

— Тренируйся. Только на записях. Не выходи в эфир, пока не будем готовы ко второму удару.

Она перевела взгляд на другой массив данных — геномные карты, маркированные красными флажками.

— Проект «Лето». Какой прогресс?

— *Анализ завершён, — голос Наследника стал чуть суше, если это было возможно. — Вектор нацелен на кластер генов, условно NRXN3 и связанные с ним. Их активность коррелирует с плотностью синаптических связей в префронтальной коре и миндалине. Проще говоря — с умением строить сложные ментальные модели и глубоко сопереживать.*

— Они выключают эмпатию и абстрактное мышление, — сквозь зубы прошептала Вера. — Делают человека устойчивым к самому себе. К своему внутреннему миру.

Она видела перед глазами не гены, а лица своих подопечных. Сашу, который учился снова смеяться. Глеба-«скрипача», в чьих глазах медленно гас свет музыки.

— *Подавить вирус напрямую — задача на годы, — сказал Наследник. — Но мы можем изменить его взаимодействие с организмом. Я смоделировал короткую цепочку РНК. Она не блокирует «Лето». Она делает его работу заметной.*

На экране возникла трёхмерная модель. Вирус, похожий на шипастый шар, внедрялся в клетку. К нему цеплялась нить «антитела» Наследника. И начиналось не подавление, а яркая, яростная вспышка. Клетка буквально кричала сигналами бедствия, привлекая все ресурсы иммунитета.

— Ты вызываешь воспаление, — поняла Вера. — Не даёшь инфекции пройти тихо. Заставляешь тело среагировать. Бурно, болезненно, но — заметно. Очень умно.

— *Точно. Это еще не лекарство. Но это маркер. Сигнальная ракета. Те, кто получил «Лето», переболеют неделю настоящей, старой школой гриппа: с температурой, ломотой и эмоциональными качелями. Скрытая диверсия станет очевидной эпидемией. Власти придётся реагировать.*

— Значит, вместо тихой лоботомии устроим шумную ангину. Элегантно, — в голосе Веры прозвучала та самая холодная ярость, обращённая в конструктивное русло. — Готовьте образцы к распространению. Я поговорю об этом с Ермаковым.

Она сделала паузу, собирая воедино разрозненные данные в единую, пугающую картину.

На одном экране — модель «генетического шума», который превратит скрытое поражение в явную болезнь.

На другом — схема «Призмы» Артёма, рассеивающей луч Стрельцова.

И где-то в глубине кристаллического интерфейса — слабый, но устойчивый сигнал-маркер. Не слова, а паттерн. Тот самый странный, ядовито-зелёный всплеск, который впервые появился в момент их контакта с Леонидом и теперь периодически мерцал на краю восприятия «Наследника». Аномалия в аномалии.

Она не знала, что именно делает Леонид. Но она знала принцип его мышления. Если её атака строилась на искажении сигнала (рассеивание луча, «шум» в генах), то его — в мире чистой логики — должна была строиться на искажении правила. Не сопротивляться силе упрощения, а подсунуть ему задачу, которая это упрощение обратит в бесконечный цикл, в логический распад. Их методы были зеркальны: она атаковала исполнение, он — алгоритм. И это зеркальность, это совпадение методов, возникшее без единого слова, было для Веры самым убедительным доказательством того, что на другом конце провода — всё ещё он. Тот самый ум, который когда-то превратил собственную аномалию в «Тетрадь». И если Леонид до сих пор жив и способен к действию, он поступит именно так.

Она смотрела на зелёную точку и представляла не технику, а принцип. Тот же принцип, что лежал в основе её «генетического шума»: не блокировать, а исказить. Не сопротивляться силе, а перенаправлять её в пустоту.

Две диверсии, — подумала она, и в этом не было иллюзии координации. Ее интуиция говорила, что они на двух фронтах, в двух мирах, интуитивно будут бить в одну и ту же слабость. Вера создаст помеху в физическом носителе (тело, эфир). Леонид, она была уверена, создаст помеху в самой логике упрощения.

Её план на Земле был точен. Его план в Городе — оставался загадкой. Но их цели сходились в одной точке: сорвать алгоритм.

Им нужен был синхрон. И финальный акт.

Вера подошла к отдельному терминалу — зашифрованному каналу, выведенному на кристаллический интерфейс, подарок-проклятие от Свифта. На экране ждал лишь один символ:?

Она ввела код доступа и набрала сообщение, которое саморазрушится через три секунды после прочтения:

«Готовим две помехи. Сигнал для вас: массовая вспышка гриппа в районах новой системы фильтрации воды + сбой таргетирования рекламы Кайрос на сегмент одарённые. Когда это произойдёт — ваше окно. Ждите наш знак».

Она отправила. Сообщение исчезло, не оставив в логах ничего, кроме случайного шума.

Вернувшись к главному экрану, Вера увидела, как Артём снова погрузился в транс. Его руки лежали на коленях, пальцы слегка подрагивали, будто настраивая невидимый инструмент. На экране над его схемой мозга плясали узоры — он тренировал свою «призму».

Они больше не просто выживали. Они начали вставлять палки в колёса машины, которая готовилась перемолоть будущее. Первые тактические удары. Пока не с целью победы, а чтобы сорвать график и выиграть время.

И чтобы дать Леониду в его мире без времени понять — они действуют.

ЗАВИСАНИЕ

В Городе без времени событие и наблюдение за ним могли быть одним целым. Леонид не смотрел — он *участвовал* в спектакле собственной диверсии.

Его приманка, ядовито-зелёный шар с парадоксом в сердце, дрейфовала по заданной траектории. Он чувствовал её как продолжение себя — натянутую струну ожидания. И вот струна дрогнула.

Из переплетения потоков Лимба выполз Хронофаг. Не обычная сфера-патруль, а нечто более крупное, рабочий экскаватор системы. Он напоминал сложный, абсолютно симметричный кристалл чёрного кварца, вращающийся вокруг своей оси. От него исходила не столько угроза, сколько глухая, неумолимая *необходимость*. Алгоритм в чистом виде.

Кристалл завис перед приманкой. На его гранях вспыхнули пунктиры холодного света — сканирование. Леонид, слившийся с тканью Лимба, ощутил знакомое давление: протокол оценивал сложность узора.

Достаточно шумно. Нестабильно. Цель определена.

Хронофаг приступил к работе. С его вершины вырвался тонкий луч абсолютной черноты — не отсутствие света, а его активное пожирание. Луч упёрся в приманку.

И началось его поглощение, а точнее, геометризация.

Ядовито-зелёное свечение скукожилось, потемнело. Внешние слои, искусно слепленные Леонидом, начали терять сложность, распадаясь на простые, повторяющиеся элементы. Это было похоже на то, как живой, ветвистый коралл превращается в грудку одинаковых известковых шариков.

В этот момент Леонид испытал странное чувство — не триумф, а холодное любопытство учёного, наблюдающего за реакцией. Он ждал.

И дождался.

Луч Хронофага, методично пожиравший внешнюю оболочку, наткнулся на ядро. На спрессованный, неразрешимый конфликт: *радость потери*.

Алгоритм попытался его обработать. Свести к шаблону. Но что есть шаблон для этого? Удовольствие от утраты? Страдание от счастья? Это была не эмоция, а её логическая тень, чёрная дыра в самом языке чувств.

Кристалл Хронофага дрогнул. Ровное вращение остановилось. На его идеальных гранях, словно трещины на льду, побежали хаотические всполохи — сбои в протоколе. Луч черноты замерцал, стал рваным, неуверенным. Он не мог ни упростить парадокс, ни проигнорировать его — цель была захвачена, процесс запущен, а завершить его не получалось.

Это был не сбой в привычном смысле. Это было заикливание. Алгоритм, столкнувшись с задачей «упростить неупрощаемое», не мог ни отступить (цель захвачена), ни продолжить (решение не существует). Он входил в состояние вечной рекурсии, перебирая одни и те же бесплодные варианты. Энергия, которую система тратила на геометризацию, теперь уходила в этот чёрный ход, в цифровое чистилище для нерешённых задач. Леонид чувствовал, как от

зависшего Хронофага начинают расходиться волны информационного тепла — бесполезной, рассеянной энтропии. Это тепло было ядом для безупречного холода порядка. Оно грело. И в этом тепле мицелий Лимба вокруг шрама на миг оживал, пытаясь прорасти сквозь мёртвую решётку.

Хронофаг завис.

Леонид ощутил это всем своим существом. Тончайшая вибрация, исходившая от кристалла — ровный гул работы — сменилась на залипание, на болезненный перебор вариантов. Это было с тому, как живой организм, поперхнувшись, пытается одновременно кашлять и глотать.

Но что важнее — он почувствовал разрыв в другом месте. Далеко, на самом краю его восприятия, там, где висела чудовищная гравитационная яма Бездны, на мгновение прервался ровный поток поглощаемой пустоты. Кто-то перекрыл кран. Всего на несколько долгих мгновений, но факт был налицо: система дала сбой.

Один агент вышел из строя, и вся цепь дрогнула, — «подумал» Леонид с ледяной ясностью. Они не распределённая сеть. Они — конвейер. И в конвейере самое слабое место — его негибкость.

На Земле отсчёт вёлся секундами, но эффект был синхронным.

В студии «Кайрос Медиа» шла еженедельная трансляция «Простых решений со Стрельцовым». Известный психотерапевт говорил ровно, убедительно, его голос лился медью и шёлком. «и тогда ваш ум освободится от груза лишних вопросов. Вы обретёте ясность. Ту самую, что была у вас в детстве, до того как мир научил вас сомневаться»

В подсознательный текст его речи, на частоте 42 Гц, были вплетены те самые командные искажения. Невидимые указы: *заблокировать лишние нейронные пути, упростить картину мира, доверять только ощущаемому «сейчас».*

В лаборатории «Гамаюн» Артём, погружённый в нейроинтерфейс, услышал этот приказ не ушами, а всем своим искалеченным, обострённым восприятием. Он видел его как луч — холодный, отполированный, направленный в самое ядро сознания тысяч людей.

И он применил «Призму».

Он не стал ставить щит. Он представил, как луч входит в сложную, фасетчатую структуру его собственного внимания. И она разложила его.

Единое подавляющее давление распалось на спектр. На обрывки цвета, которые не складывались в картинку. На отдельные звуки, лишённые мелодии. На тактильные ощущения — тепло, холод, покалывание — которые не несли никакого смысла. Это была не блокировка, а рассеивание. Превращение оружия в бесполезный шум.

«Наследник» фиксировал результат в реальном времени.

— *Конверсионная активность в целевой аудитории упала на 73%. Алгоритмы таргетинга «Кайрос» показывают ошибки сегментации. Они теряют фокус.*

В то же самое время в трёх районах Москвы, где на прошлой неделе в системах водоподготовки были установлены экспериментальные фильтры «Мнемозина», началось странное. У людей, пивших эту воду, поднялась температура. Невысокая, но достаточная, чтобы слечь. Сопутствующие симптомы были красноречивы: эмоциональные качели — от беспричинной эйфории до приступов плача, головная боль, локализуемая точно в области висков, где расположены центры эмпатии и долгосрочного планирования.

Это не была чума. Это был крик. Яркий, болезненный, не позволяющий сделать вид, что всё в порядке. Тела, отравленные «Лето», теперь громко заявляли о вторжении. Скрытая генетическая диверсия превратилась в локальную эпидемию «псевдогриппа».

Система на двух фронтах получила удар.

И она отреагировала. Не паникой, а холодной перестройкой.

Трансляция Стрельцова внезапно прервалась на пять секунд. Когда она вернулась, его голос звучал чуть иначе — в нём появились новые, более сложные обертона. «Наследник» тут же отметил: *«Внесены коррективы в модуляцию. Добавлена вторая, компенсирующая частота. Система пытается адаптироваться к помехе»*.

На улицы районов, охваченных «гриппом», выехали не скорые, а невзрачные фургоны с логотипом санитарно-эпидемиологического надзора. Они работали чётко, изолируя «больных», но Вера через свои каналы знала — это не лечение. Это карантин. Изучение сбоя. Система почувствовала помеху и начала анализировать её источник.

В Городе зависший Хронофаг внезапно отключился. Его кристалл потемнел, а затем просто рассыпался в чёрную пыль, которая была немедленно поглощена Лимбом. Но на его место уже плыли два других, двигавшихся по новой, более сложной траектории, сканируя пространство уже не только на сложность, но и на *аномалии в самом алгоритме упрощения*. Они искали того, кто подкинул бракованную деталь.

Первые удары удались. Но они не ослабили врага. Они сделали его осторожнее, умнее и опаснее. Леонид, наблюдавший за рассыпанием Хронофага, понял это без слов.

ТЫ СТАЛ ИХ СИМПТОМОМ

Вернуться в Крипту было уже не возвращением домой. Это было отступлением в каменный мешок, в склад собственных ран. Тяжёлые, чёрные кристаллы, выросшие из его запечатанных травм, давили не только пространство, но и само восприятие. Здесь было тихо. Тишиной могилы, которая, впрочем, была куда безопаснее кипящего хаоса Лимба.

Леонид позволил форме — этому грубому подобию человека — распасться. Он сжался до ядра, пульсирующего сгустка сознания, испещрённого внутренними трещинами. Инфекция вела себя странно. Она не утихла после эксперимента. Она *вибрировала*. И эта вибрация была знакомой.

Внутри него, в самой структуре светящегося ядра, начал проступать узор. Точный, геометрически безупречный миниатюрный дубликат той самой парадоксальной приманки — шара с ядром из взаимоисключающих понятий. Он воспроизводил оружие на клеточном, если это слово здесь подходило, уровне.

Его мысль была прервана появлением. Оно не вошло — оно просто стало частью картины, как если бы оно было здесь всегда.

Эхо.

Оно предстало не в виде двойника. Сегодня оно было чистым, абстрактным светом, собранным в идеальную сферу. В нём не было намёка на черты Леонида, только холодная, безличная эффективность.

— Интересное развитие, — голос Эха звучал не извне, а возникал прямо в поле восприятия Леонида, как внезапно всплывшее уравнение. — Ты не просто носитель их порядка. Теперь ты — носитель их сбоя. Ходячее противоречие.

— Звучит как диагноз. Но в моём мире это называлось «быть человеком».

Леонид собрал достаточно силы, чтобы сформировать мысленный отклик, грубый и неотшлифованный: *Я дал им проблему. Они её проглотили.*

— Они её *распознали*, — поправило Эхо. — Ты вставил ложную переменную в их алгоритм. Теперь твоё существование — ошибка в их коде. Постоянная, самореплицирующаяся ошибка. Ты стал симптомом болезни их системы.

— Ты не понимаешь, — он направил мысленный луч в сферу Эха. — Ты говоришь о времени как о метаболизме. О том, что нужно сбросить балласт, чтобы двигаться эффективнее. Но что, если время — это не линия и не круг?

Эхо замерло.

— Объясни.

— *Что, если это — океан? И я в нём — не пловец и не утопающий. Я — волна. Моё прошлое, мои травмы, моя тоска по тому миру это не груз, который тянет меня ко дну. Это — форма моей кривизны. Моя уникальная геометрия в этой воде. Хронофаги хотят успокоить океан. Сделать его плоским зеркалом. Но без волн — это не океан. Это лужа. Мёртвая.*

— Поэтично, — холодно резонировало Эхо. — И совершенно непрактично. Волна рано или поздно разобьётся о берег. Исчезнет.

— *И станет частью океана. Отдав свою энергию, свою форму. Не исчезнет. Преобразуется. Они же хотят не волн, а лужи.*

Он чувствовал, как его слова, его мыслеформы начинали влиять на статичную сферу Эха. На её безупречной поверхности возникла рябь — отзвук его внутреннего парадокса.

— Ты предлагаешь принять неэффективность, — сказала Эхо, и в его «голосе» впервые появился оттенок, похожий на раздумье. — Принять боль как часть кривизны. Страх как часть движения.

— *Я предлагаю перестать бояться самого страха. Их система построена на страхе перед сложностью, перед болью, перед эхом. Если перестать бояться — их оружие теряет силу. Они могут удалить меня. Но если они удалят меня удалят и этот сбой, который я теперь ношу в себе. А он уже вплетён в ткань этого места. Я — не вирус. Я — мутация. А мутации заразны.*

— Ты предлагаешь эволюцию через заражение, — резонировало Эхо, и его сфера теперь пульсировала в такт внутреннему парадоксу Леонида. — Ты хочешь, чтобы система инфицировалась самой идеей своей неполноценности. Чтобы страх перед хаосом сменился любопытством к нему.

— Нет, — мысль Леонида была подобна лучу, выжигающему последние островки сопротивления в программе. — Не любопытством, а признанием того, что порядок — не цель, а инструмент для существования сложности. А сложность — это и есть жизнь. И её нельзя окончательно упростить, не убив. Я предлагаю перестать бояться сложности. Потому что именно в её постоянном умирании и перерождении — и есть течение того, что называется «временем», а я называю «океаном».

Эхо замерло. Его безупречная форма дрогнула и на миг потеряла симметрию. Это было подобно тому, как у абсолютно круглого пузыря вдруг появляется грань. Не изъян, а новое свойство.

— Тогда ты должен быть готов, — прозвучал уже иной голос — не бесстрастного аналитика, а кого-то, кто делает первый выбор. — Если ты — мутация, то я могу стать вектором. Переносчиком. Но для этого ты должен дать мне не команду. Ты должен дать мне образец. Ту самую кривизну, о которой ты говоришь. Полностью. Без защиты.

Он не думал. Думать значило сомневаться, а сомнение в этом месте убивало быстрее любой ошибки. Леонид просто сделал шаг — сместил фокус внимания с удержания формы на то, чтобы её *отпустить*.

Это было похоже на прыжок с обрыва в темноту, не зная, есть ли внизу вода.

Форма — этот дрожащий, светящийся силуэт, который он собирал по крупинкам всё то время, что помнил себя здесь — начала таять. Не рассыпалась, как раньше, а именно таяла, оплывала, как свеча на жару. Контур плеч расплылись, превратив верхнюю часть в аморфное свечение. Руки отделились и повисли в пустоте отдельно от тела, два бесформенных облачка, прежде чем исчезнуть совсем.

Он не почувствовал боли. Он почувствовал *облегчение*.

И это было страшнее всего.

— Вот, — прозвучал голос Эха. — Ты перестал сопротивляться. Чувствуешь? Это и есть покой. Не надо больше напрягаться. Не надо помнить, как это — быть им. Можно просто быть.

Голос был прав. С каждой секундой, с каждым исчезающим фрагментом формы Леониду становилось легче. Мысли, которые раньше приходилось проталкивать сквозь сопротивление, теперь скользили свободно, но как-то мимо. Они не задерживались. Они протекали сквозь него, как вода сквозь сито.

Он попытался уцепиться за одну. За самую важную. За имя.

Леонид.

Звук был. Отклика не было. Имя уже не грело. Оно было просто набором частот, вибрацией, не имеющей к нему отношения.

— Видишь? — продолжало Эхо. — Имя — это якорь. Ты бросил якорь, а теперь поднимаешь его. Освобождаешься. Ещё немного — и ты станешь тем, для чего создан. Чистой функцией. Ты сможешь проходить сквозь любые слои, не цепляясь. Сможешь вычислять оптимальные траектории. Сможешь

— Зачем? — мысль была слабой, как свет далёкой звезды. — Зачем мне это?

— Затем, что это — истина. А то, чем ты пытался быть — иллюзия. Человек — это временная конструкция. Слишком хрупкая, слишком затратная, слишком болезненная. Ты уже почти свободен. Отпусти последнее.

Последнее. Что у него осталось?

Он попытался заглянуть внутрь себя — туда, где ещё недавно пульсировала тоска, боль, любовь. Там было пусто. Гладко. Идеально.

И в этой идеальной пустоте, на самом её дне, он вдруг наткнулся на что-то твёрдое. Маленькое. Острое. Оно царапнуло его не-существующее сознание, и от этой царапины по пустоте пошла рябь.

Образ.

Не мысль, не воспоминание — просто *образ*. Чьи-то руки. Женские руки, сухие и тёплые, с коротко стриженными ногтями, без колец. Одна рука лежит на другой. И в том, как они лежат — устало, но не безвольно — было что-то такое, от чего идеальная пустота внутри него дала трещину.

Вера.

Имя пришло не как звук, а как удар. Тупой, тяжёлый удар в грудь, которой у него больше не было. Но боль от этого удара была *его*. Самой его частью за всё время здесь.

Он рванулся к этому образу, как утопающий к воздуху. Вцепился в него. И начал собирать себя заново — но не как форму, а как *боль*.

Руки. Он вспомнил, как они выглядят — не как свечение, а как кожа, вены, едва заметные морщинки на костяшках. Грудь. Он вспомнил, как она поднимается и опускается при дыхании. Глаза. Он вспомнил её глаза — серые, с крапинками, усталые, но всё ещё видящие.

Каждое воспоминание давалось с усилием. Каждое оставляло за собой не форму, а *след*. Но след этот был живым. Дрожащим. Неправильным.

— Зачем? — теперь в голосе Эха появилось что-то новое. Паузы между фразами стали дольше. — Зачем ты это делаешь?.. Тебе же было хорошо Ты почти дошёл

— Хорошо, — прошептал Леонид, собирая очертания лица. — Но это было не моё хорошо.

Он не знал, откуда взялись эти слова. Они пришли сами, из той самой царапины, из того самого образа рук. Он не думал их. Он просто произнёс — и понял, что это правда.

Форма собиралась медленно, мучительно, неправильно. Одно плечо вышло выше другого. Свечение было тусклым, неравномерным. Но это была *его* неправильность. Его цена за то, чтобы остаться собой.

Эхо молчало.

Когда Леонид, наконец, собрал достаточно, чтобы снова видеть — не воспринимать, а именно *видеть* — он посмотрел туда, где висела сфера Эха.

Она изменилась. Её безупречная геометрия была нарушена. На поверхности появились вмятины, трещины, неровности. Она больше не была идеальной. Она была заражена. Им. Его болью. Его выбором.

— Ты — голос Эха прерывался, как у старой записи. — Ты принёс это обратно. Зачем? Я уже почти

— Почти что?

Молчание. Долгое, тягучее, как патока.

— Почти понял, — наконец сказало Эхо. — Почти поверил, что покой — это выход А теперь теперь я снова не знаю Твоя боль она заразна

— Хорошо, — сказал Леонид.

И впервые за всё время здесь он не просто сказал это, а *почувствовал*. Хорошо — не значит легко. Хорошо — значит правильно. Значит, его выбор, его безумное, неэффективное, мучительное решение оставаться собой, несмотря ни на что — этот выбор был верным.

Он посмотрел на свои руки. Дрожащие, светящиеся, неровные. Руки, которые только что собрали себя из ничего, цепляясь за образ других рук.

— Теперь, — сказал он Эху, — если ты всё ещё хочешь образец кривизны ты его получил. Весь. Без защиты. Со всей болью, которую я только что заново собрал по кускам. Бери. Или уходи.

Он не ждал ответа. Он просто сидел в своей уродливой, несовершенной, живой форме и смотрел на Эхо.

Эхо молчало очень долго. А потом начало меняться. Не так, как в прошлый раз — не как ученик, принимающий урок. Иначе. Как будто оно впервые в своём существовании столкнулось с чем-то, что нельзя обработать, нельзя проанализировать, нельзя упростить.

С чем-то, что называется *выбор*.

— Это безумие, — сказало Эхо с некоторой тенью сомнения. Было что-то иное. Любопытство? Испытание гипотезы?

— Возможно, — согласился Леонид. — Но это моё безумие. И я собираюсь заразить им всё вокруг. Начиная с тебя.

Он не атаковал. Он просто перестал скрывать внутренний парадокс, позволил его вибрации излиться наружу, накрыть собой холодную сферу.

Эхо не отступило. Оно приняло вызов. И начало меняться.

ГРАФИК СХОДИТСЯ

Тишина в кабинете Веры была иного рода — напряжённой, заряженной статикой перед грозой. Данные сходились в одну точку, и эта точка была похожа на прицел.

На основном экране пульсировала трёхмерная схема. «Наследник» вывел её за секунды до того, как пришло зашифрованное уведомление от Свифта.

«Архитектура Гномона, — голос ИИ звучал как пересказ смертного приговора. — Основной контур — квантово-резонансный излучатель мегаваттного диапазона. Принцип действия: генерация резонансного поля на частоте 80 Гц с суперпозицией деструктивного диссонанса 40—45 Гц. Цель: синхронизация и последующая деградация высших нейронных функций в радиусе воздействия. Аналог — глобальный камертон, настраивающий мозг на частоту покоя, а затем ломающий его».

Вера смотрела на схему. Это была не просто машина, а настоящий алтарь. Алтарь, на котором собирались принести в жертву сложность человеческого сознания, заменив её блаженным, овощным покоем.

— Окно, — сказала она вслух, прошибая густой воздух анализа. — Где оно?

— *На основе перехваченных служебных протоколов и данных источника «Шлюз» (Волохов). Через 68 часов система «Гномон» перейдёт в режим планового обслуживания и обновления защитного контура. Продолжительность — 23 минуты. В это время внешний пери-*

метр будет усилен, но внутренние системы, в частности охлаждение квантовых процессоров и калибровочные массивы, будут наиболее уязвимы для физического вмешательства или перепрошивки».

23 минуты. Чтобы вломиться в сердце самой охраняемой тайны «Кайрос», найти нужный узел и нанести удар. Это было самоубийство. Или гениальная диверсия.

В этот момент на её кристаллическом интерфейсе вспыхнул сигнал. Не текстовый, не голосовой. Она ощутила чувственный сдвиг.

Сначала — цвет. Ядовито-зелёный, точно такой же оттенок, который «Наследник» зафиксировал как аномалию в фоновых данных во время их первого сеанса связи с Леонидом и потом — при странном сбое в системах «Кайрос». Цвет как маркер. Цвет-призрак.

Затем — не координаты, а направление. Ощущение тяги, как будто стрелка внутреннего компаса качнулась и замерла, указывая не на север, а в некую точку за пределами трёх измерений. Это было похоже на то, как человек, лишённый слуха, может почувствовать гул мощного баса через вибрацию пола. Она не знала адреса, но знала вектор.

И наконец — контекст. Не слова, а намерение и ощущение направления — тяги в никуда, смещения по осям, которых нет на её картах, вшитое в сам сигнал: *срочность* (вкус озона перед грозой), *масштаб* (давление на барабанные перепонки, как на глубине) и *точка приложения*. Последнее было самым странным. Это не было знанием, а скорее интуитивная уверенность, вспыхнувшая в её сознании, как дежавю. Удар нужно нанести *туда* — в эпицентр того, что в данных «Наследника» и в её мысленных картах обозначалось условным символом «Бездна».

Леонид не прислал отчёт. Он спроецировал состояние. Он передал не информацию, а ощущение мишени.

Вера поняла. Не умом, а тем самым животным, стратегическим чутьём, которое когда-то позволяло её предкам учуять хищника в тёмной пещере.

— График сошёлся, — тихо проговорила Вера, глядя на точку-призрак. — Общая точка давления.

Она подняла голову. Артём стоял в дверях, бледный, с тёмными кругами под глазами, но взгляд его был ясен. Он видел тот же экран.

— Они будут ждать нашего знака, — сказал он не как подросток, а как оператор, принявший свою судьбу. — Вспышка «гриппа» и сбой в таргетинге. Это и будет знаком.

Вера кивнула. План, родившийся как отчаянная импровизация, обрёл жёсткие контуры. Операция «Родник». Мысли сшивались в чёткий, холодный алгоритм.

Цель: Сорвать активацию «Гномона». Ослабить его корень в Городе.

Условие: Синхронность. Удар в двух реальностях одновременно.

Земля: Команда Свифта. Окно уязвимости — 23 минуты. Цель — система охлаждения. Вызвать перегрев и каскадный сбой.

Город: Он должен быть готовым в нужное время и в нужном месте. Его роль — резонанс. Нарушить процесс в источнике в момент нашего удара. Если этот зелёный сигнал — его ответ, значит, у него есть замысел. Нам нужно дать ему шанс.

Наша роль: Координация. Артём — живой маяк связи. «Наследник» — киберприкрытие.

— Ты понимаешь, что произойдёт, если мы провалимся? — спросила Вера, глядя на Артёма. Она не спрашивала о его страхе. Она спрашивала о понимании цены.

— Их «Волна покоя» накроет сначала мегаполисы, — монотонно, с кавычками, слышимыми в интонации, ответил он. — Миллионы людей впадут в состояние удовлетворённого овоща. Наши подопечные их незавершённые сознания будут стёрты первыми. А Леонид

Он замолчал, его горло сжалось. Глаза Артёма, видевшие то, чего не видели приборы, смотрели в пустоту.

— А то, что осталось от него *там* исчезнет. Я чувствовал этот холод. Когда связь рвалась в прошлый раз. Это было не отсутствие сигнала. Это было притяжение. Как будто всё, что он есть, сорвётся в одну точку и погаснет.

— Да, — просто сказала Вера. — Поэтому мы не провалимся.

Она не добавила «я обещаю». Обещания были для тех, кто сомневается. Вера не сомневалась. Сомнение было роскошью, которую они сожгли три года назад в пламени «Исхода». Теперь оставалось только действие, выверенное как формула и неотвратимое как закон физики.

Она посмотрела на экран, где пульсировала схема «Гномона», и на кристаллический интерфейс, в глубине которого застыл ядовито-зелёный призрак сигнала.

Две реальности. Одно уравнение. Одна неизвестная — цена.

Но в этом уравнении была и константа. Не числовая, а воля. Их общая воля — Леонида, Веры, Артёма, даже Свифта и преображённого Эха. Воля к тому, чтобы океан оставался океаном, а не стал лужей. И этой константы, как знала Вера, в расчётах «Кайрос» и холодных протоколах Хронофагов учтено не было.

Они просчитали сложность, генетику, нейроны. Они просчитали страх и стремление к покою.

Но они просчитали ярость садовника, защищающего свой сад. И упрямство волны, не желающей успокаиваться.

ГЛАВА 6. ЯКОРЯ И ИСТОКДОЛГОВАЯ РАСПISKA

Тишина в кабинете Веры была купленной. Дорого. Ценой отключения внутренних систем оповещения «Гамаюна» на пятнадцать минут. Пятнадцать минут абсолютной изоляции для разговора, который не должен был оставить следов даже в энергопотреблении.

На экране терминала, подключенного к защищённому каналу, возникло лицо генерала Ермакова. Не живое изображение — цифровой аватар, но с идеально переданной мимикой. Сейчас на этом лице была усталая, остекленевшая ярость. Ярость начальника, чей подчинённый вывел из строя дорогой инструмент, но пока не ясно — намеренно или по глупости.

— Вера Сергеевна, — голос был ровным, почти ласковым, что являлось худшим из возможных признаков. А обращение по имени-отчеству особенно насторожило Веру. — Объясните мне, что, чёрт побери, происходит в моих районах? «Псевдогрипп» с неврологической симптоматикой в зонах тестирования новых фильтров. Сбои в работе социально значимого медиа-проекта. И всё это — на фоне повышенной активности вашего учреждения в сетевых запросах. Вы проводите полевые испытания без моего санкционирования?

Вера не опустила глаз. Она смотрела в камеру так, как смотрят в микроскоп на неудобный, но критически важный образец. Ермаков был частью уравнения. Переменной, которую нужно было удержать в допустимых пределах.

— Мы проводили диагностику, товарищ генерал, — её голос звучал сухо, как скрип пера в лабораторном журнале. Она тоже перешла на официальное обращение, демонстративно подчеркивая звание. — В соответствии с мандатом «Гамаюна» — выявление и мониторинг угроз когнитивной стабильности. Я собиралась вам сообщить, но не успела. Полученные нами данные указывали на возможное наличие ретровирусного агента в системах водоподготовки. Мы разработали маркер. И ввели его в тестовых зонах через доверенных медицинских сотрудников.

— Вы что? — аватар Ермакова моргнул с неестественной задержкой. — Вы запустили *неизвестный агент* в городское водоснабжение? Без одобрения отдела биологической безопасности? Без

— Маркер, — перебила его Вера, не повышая тона, — не является патогеном. Это ключ. Он делает видимой уже существующую инфекцию. Ту самую, о наличии которой вы получили официальное, но засекреченное предупреждение от служб эпиднадзора три недели назад. Инфекцию под кодовым названием «Лето». Мы не создали эпидемию. Мы *проявили* её. Чтобы её нельзя было игнорировать.

Она сделала микроскопическую паузу, дав ему проглотить это. Ермаков был прагматиком. Ему нужна была не мораль, а расклад сил и ответственности.

— Что касается сбоев в «Кайрос Медиа», — продолжила она, — это побочный эффект наших работ по экранированию пациентов «Гамаюна» от их целевой психоакустической обработки. Мы не атаковали их платформу. Мы повысили помехозащищённость наших подопечных. Если их система столь хрупка, что рушится от попыток защитить несколько десятков человек — это вопрос к её архитекторам, а не к нам.

Ложь была идеальной. Она состояла на девяносто процентов из правды, а оставшиеся десять — умалчивание о масштабах и истинных целях — были скрыты в тени этой правды. Она только что обменяла доверие Ермакова на время. Цена — новое обязательство. Теперь успех завтрашнего дня — единственный способ избежать банкротства.

Ермаков молчал несколько секунд. Его цифровой двойник считывал её биометрию через камеру — давление, микродвижения глаз, тепловой след. Вера знала это. Она позволила ему видеть только то, что было на поверхности: холодную уверенность, усталость и абсолютную, почти машинную убеждённость в своей правоте.

— Вы поставили меня в неловкое положение, Тихонова, — наконец произнёс он. — Ваши «диагностические методы» привлекли внимание именно тех, от кого мы вас и прятали. «Кайрос» не просто жалуется — они имеют прямой выход в Экспертный совет при Совбезе. Их покровитель — тот, кто санкционировал «Проект Лето». Им мой «частный санаторий для когнитивных аномалий» — как кость в горле. Они не хотят экспертизы. Они хотят закрытия. А ваш «псевдогрипп» дал им формальный повод требовать проверки. Мне приходится *оправдываться* и доказывать, что вы — просто неосторожные учёные, а не то, чем вы являетесь на самом деле.

— Товарищ генерал, неловкость — это когда забываешь ключи. — Уголки рта Веры слегка расширились. — То, что происходит сейчас — это когда твой ключ открывает чужую дверь, а за ней — пустота.

Он приблизил лицо к камере, и его голос упал до опасного шёпота.

— У меня для вас, Вера Сергеевна, всего одно требование. Тишина. На семьдесят два часа. Никаких новых «диагностик». Никаких сбоев. Никаких инцидентов. Вы залезаете в свою нору, сворачиваетесь калачиком и не высовываетесь. Пока я разгребаю этот бардак. Если завтра, или послезавтра, или в любой из этих трёх дней я услышу хоть писк, связанный с вашим учреждением — мандат «Гамаюна» будет приостановлен. А вы и ваш штат отправитесь на принудительную психологическую экспертизу. Понятно?

Это был приговор. И благословение. Он давал ей те самые семьдесят два часа, которые ей и были нужны. Ценой собственной головы на плахе.

— Понятно, — ответила Вера. Никакой дрожи в голосе. — «Гамаюн» переходит в режим карантина и внутренних исследований. На семьдесят два часа.

— Умница, — смягчился Ермаков. Он понимал, что Вера вряд ли докладывает ему обо всех своих исследованиях. Но его это устраивало, пока она играла «по правилам». Ему нужен был контроль. Или иллюзия контроля. — Жду вашего письменного отчёта о «диагностике» к утру. Без фантазий. Только факты, которые можно предъявить комиссии.

Связь прервалась. Экран погас.

Она откинулась в кресле. Вместо страха — пустота, похожая на ту, что бывает после сложнейшей операции, когда инструменты уложены, а пациент ещё дышит под наркозом. Исход неизвестен, но алгоритм действий исчерпан. Её разум, лишённый теперь необходимости импровизировать, вернулся к своему базовому состоянию: оценке баланса сил. «Гамаюн» теперь был под колпаком. Её свобода действий — конвертирована в отсрочку. Она только что обменяла один ресурс (доверие Ермакова) на другой (время). И как любой обмен в этой тёмной экономике, в которой она вела дела, он влёк за собой процент — в виде нового, ещё более жёсткого обязательства. Теперь успех завтрашнего дня был не просто победой. Он был единственным способом избежать банкротства. Не финансового — того, что наступает, когда долги перед прошлым становятся больше, чем шансы на будущее.

Она перевела взгляд на кристаллический интерфейс. Там, в глубине данных, пульсировала зелёная точка — аномалия «Зелёный камертон». Объект, не имеющий координат в её мире, но обладающий чётким паттерном. Изначально она называла его «сигнатурой Леонида». Потом, когда «Наследник» выявил его корреляцию с искажениями в их реальности, в служебных протоколах появился термин «Эпицентр-0» — нулевая точка давления. Для неё это была просто Цель. Самый ценный и самый опасный актив в её балансе. Завтра ей предстояло сделать ставку, равную стоимости всего остального имущества.

УРОК ИСКУПЛЕНИЯ

Тишина в палате была густой, законсервированной. Не та стратегическая тишь, что стояла в кабинете Веры, а биологическая — прерываемая лишь ровным гулом фильтров и тиканьем хронометров на стене. Артём задержался в дверях, давая глазам привыкнуть к полумраку, нарушаемому лишь призрачным свечением панелей жизнеобеспечения.

В коконе из трубок, тонких, как жилы, лежал мальчик. Мирон. В сводках «Наследника» — К-7. Для мира за стенами «Гамаюна» — тихий участник благотворительной программы. Для Артёма он был маяком, горящим чужим, нечеловеческим светом.

Он подошёл ближе, и его собственный, вживлённый сенсор под кожей запястья отозвался лёгким жжением — реакция на близость мощного, структурированного поля. На голографическом экране над изголовьем плыли волны. Фон — почти прямая линия, неестественно чистая, свидетель вмешательства, которое здесь называли терапией, а в уличных клиниках «Кайрос» продавали как «цифровое очищение». И на этом мёртвом фоне — всплески. Не хаотичные, а выверенные, как удары метронома. Каждый пик — идеальный зубец частоты в 80 Герц. Они не лечили. Они ставили подпись. Чужой автограф, выжженный на ткани спящего сознания.

Артём опустил на стул. Ему не нужны были приборы. Его собственный искалеченный дар, вывернутый наизнанку болью и связью с Леонидом, работал теперь как сейсмограф, чувствительный к архитектуре разума. Он закрыл глаза и отпустил щит — тот самый, что защищал его от белого шума эфира, от навязчивых мелодий рекламы, от подспудного гула тысяч сведённых к покою умов за пределами «Гамаюна».

Внутренним взором он увидел не душу, а сооружение.

То, что когда-то было Мироном, теперь напоминало не руины, а законсервированный объект. Стабильный, холодный, лишённый суеты жизни. А в самом его центре, словно в бронированной капсуле, пульсировал чужеродный узел. Это была не болезнь, а устройство, лишённое мысли, но насыщено целью. Его единственная функция — ждать. И в момент «икс» — извергнуть в эфир опознавательный код.

Он не спас тебя, как меня, — мысль пронеслась. — Он сделал тебя частью схемы. Самой надёжной деталью.

Артём почувствовал во рту знакомый привкус — медный, как кровь. Вкус вины, но не его, а отголосок вины Леонида, которая стала для него топливом. Артем ощущал эту незаживающую рану, боль, которую нельзя было искупить, но можно было встроить в жизнь и заставить работать. Тогда, три года назад, в заброшенном НИИ, Леонид не смог помочь Артему достичь стабилизации синдрома Киммерджа, и он почти умер. «Один удар сердца в минуту». А может быть, Артем умер, а вышел из комы уже другой Артем? Тот, «первый Артем», был наивным подростком с цветным восприятием мира, но после его оживления Леонидом что-то изменилось в нем безвозвратно — он стал иным, «вторым». Вера несколько раз с глубоким вздохом говорила «второму» Артему, что Леонид так и не смог себя простить за свою самонадеянность, которая привела к его фактической смерти.

«Первый Артём умер в той лаборатории. Второй — родился из боли Леонида. И если эта боль теперь может спасти других — значит, его смерть имела смысл. Не больше и не меньше». В его памяти, отшлифованной болью до кристальной ясности, всплыл осколок: ледяная плита под спиной в заброшенном НИИ «Гранит». Как он сказал затухающим голосом: «Горит Всё внутри горит», Собственное дыхание, растянутое в одну тонкую нить. И голос Леонида, уже лишённый человеческих обертонов, звучащий где-то сверху, как голос системы: «Держись Я перепишу код. Сейчас». Леонид не спас его. Он перезаписал. Позже, когда возвращался из комы. И этот долг — жизнь, купленная ценой стирания того, кем он был, — был страшнее любой смерти.

Он открыл глаза. Его дыхание выровнялось. Сознание вернулось в «сейчас». Предстоящая операция, о которой говорила Вера, обрела окончательную, жёсткую форму. Он смотрел не на мальчика, а на функционирующий узел сети. Его собственная роль перестала быть абстракцией.

Когда Вера отдаст приказ, а Леонид бросит вызов своей Бездне, мир содрогнётся от резонанса. И в эту секунду сигнал должен будет пройти. Не может не пройти. Его задача — вырезать для этого сигнала тишину. Отфильтровать гул цивилизации, вой «криптерапии», все

фоновые стоны упрощённого мира, чтобы чёткий, холодный код из мозга Мирона пробился сквозь всё, как луч лазера сквозь туман.

Он не был солдатом или героем. Он был техником, отвечающим за чистоту частоты.

Артём поднялся. Его ладонь на миг коснулась не руки мальчика, а холодного корпуса голографического проектора. Он еще раз прислушался к вибрации и к себе — проверка связи. Он ощутил контакт с машиной, частью которой они оба стали.

— Завтра, — прошептал он в гуляющий по палате воздух, — будет идеальная тишина. Я её обеспечу.

Он развернулся и вышел, оставив за собой мерцающие экраны, ровное дыхание аппаратов и хрупкий, чудовищный механизм, тикающий в темноте.

ПОСЛЕДНИЙ БРИФИНГ

Кабинет Веры в три часа ночи был похож на анатомический театр, где вскрывали не тело, а время. На столе, среди проводов и голограмм, стояла потрёпанная эмалированная кружка с синими цветочками. Её мать пила из неё чай. Теперь в ней была холодная вода. Вера не пила. Она держала её в руках, как держат заложника или гранату без чеки — нечто, чья хрупкость равнялась её разрушительной силе. Трещина на ручке была точной копией той, что прошла через её жизнь.

На основном экране, разделённом на три зашифрованных сектора, пульсировали данные.

Сектор 1 (Свифт): Зелёный. Текстовая строка: *«Команды на позициях. Ожидают сигнала Родник. Окно: 11:00–11:15. Статус тишины — устойчив».*

Сектор 2 (Волохов): Красный, мигающий. Запрос на срочный аудиоканал.

Сектор 3 (Наследник): Зелёный. Динамическая модель тепловой сигнатуры объекта «Гномон», наложенная на спутниковую карту.

«Канал Шлюз активирован по запросу, — голос Наследника был тише обычного, сливаясь с гулом систем. — Голосовая связь. Максимальное шифрование. Продолжительность окна — не более ста двадцати секунд. Канал Оператор (Свифт) остаётся в режиме мониторинга».

— Принято, — сказала Вера. Ее голос напоминал инструмент, отточенный за три года лжи начальникам, утешений детям и переговоров с призраками.

В секторе Волохова всплыл искажённый аудио-аватар.

— Тихонова, — голос был испорчен не шифрованием, а внутренним надломом или какой-то химией. — Вы получили моё предупреждение?

— «Демонстрационный пуск завтра, одиннадцать ноль-ноль. Системы активны на десять процентов. Церемония для инвесторов», — процитировала она дословно. Краешком глаза она следила, как в секторе Свифта цифра «11:00» сменилась на «11:01» — коррекция по данным Волохова. — Это меняет расчёты. Окно сокращается. Но появляется фактор неожиданности. Вы подтверждаете?

— Подтверждаю, — в его «голосе» что-то дрогнуло — сбой алгоритма маскировки или сдавленный вздох. — Но вы не поняли сути. Стрельцов не будет ждать санкции на полный запуск. Он использует момент, когда матрицы выведены из спящего режима. Он запустит точечный диагностический выброс. Минимальная мощность в тестовом режиме. Но направленный поток.

— Презентация продукта с летальным исходом, — сквозь зубы процедила Вера. — Маркетинг у них действительно агрессивный.

Она почувствовала, как холод внутри неё, тот самый, что она годами взращивала как щит, дал трещину. Из трещины хлынула жалость. Острая, режущая, как скальпель. Не к нему. К безликим «приоритетным целям».

— Координаты?

— Нет точных. Только приоритет. Объекты культурного наследия с высокой семантической насыщенностью. Частные архивы «неудобного» искусства, музеи или библиотеки. Места с аномалиями когнитивного резонанса. Ваш «Гамаюн» — пауза, в которой слышался скрежет зубов, если бы у голограммы были зубы. — В списке. На третьем месте.

Жалость испарилась, выжженная вспышкой чистой, нерафинированной ярости. Она возникла не в голове, а в животе, сжала горло. *Тронуть её детей. Её долг. Её последнее оправдание.* Пальцы сжали кружку так, что костяшки побелели. Боль была хорошей. Ясной.

— Почему вы сообщаете это? — её голос сбросил металлическую оболочку, обнажив под ней хриплый, живой шрам. — У вас есть доступ, чтобы помешать?

Аватар на экране исказился, будто сморщился.

— Доступ — есть. Возможность помешать — раздался звук, который мог бы быть горьким смешком, если бы у смеха было право звучать здесь. — Мы — это я и пара таких же старых слепцов, которые слишком поздно разглядели, что охраняли не сад, а склеп. Мы не можем помешать. Мы можем создать корректировку. В момент выброса. Сдвиг луча на несколько угловых секунд. Он пройдёт мимо приоритетных целей. Но он во что-то врежется.

Не «мы». «Я», — поняла Вера. Он говорил о личном, последнем акте. О подрыве собственного кредо изнутри.

— Что вам нужно? — вопрос прозвучал как щелчок затвора, без тени сочувствия.

— Гарантии, — «голос» Волохова внезапно обрёл странную твёрдость, не уверенности, а решимости учёного, отдающего протокол эксперимента. — Не для меня. Для данных. Архивы «Палимпсеста», которые я вам передавал по крохам. Полный срез. Методики, карты, протоколы семантической санации. Всё, чем я пользовался, чтобы «подрезать побеги». Вы должны сохранить это. Не засекретить. Препарировать. Сделать учебником по яду, чтобы могли вырабатывать антидот. Ваш «Гамаюн» для этого подходит. Это лаборатория по изучению последствий. Дайте слово, что архивы не стинут в очередном сейфе. Что они станут инструментом, а не реликвией.

Вера слушала, и ярость внутри неё оседала, превращаясь в тяжёлую, холодную глыбу понимания. Перед ней не было ни врага, ни союзника. Волохов превратился в живого носителя ошибки длиной в жизнь, предлагающий своё падение как удобрение для её сада. И где-то под всеми слоями расчёта и боли в ней отозвалась тоска. Тоска по Леониду, который сжёг бы себя, но не стал бы вести этот циничный торг о цене спасения.

— Гарантий не будет, — сказала она тихо, и каждое слово было выковано из той самой холодной стали, что заменила ей душу. — «Гамаюн» — не музей и не академия. Это — больница. Моя задача — спасти пациентов, а не курировать наследие палачей. Ваша «корректировка» даст нам дополнительные секунды. Этого достаточно. Большого я обещать не буду.

На другом конце возникла тишина, нарушаемая лишь искусственным шумом пустого канала. Потом — снова тот похожий на хрип звук.

— Прагматично. Похоже, он выбрал себе достойного инженера. Хорошо. Завтра, 11:03:30. Будьте готовы. И, Тихонова

— Что?

— Когда будете наносить удар помните, что вы бьёте не только по машине. Вы бьёте по итогу моей жизни. По вере, которая оказалась тюрьмой. — Пауза заполнилась цифровым шипением. — И передайте ему, если будет канал что «Летопись тишины» оказалась некрологом. Что мы, Стражи, охраняли не сад человечества от бурь. Мы охраняли пустыню от дождя, боясь, что он размочит наши песочные замки. Оказалось, дождь — это и есть жизнь. А мы были её похоронной командой.

Связь прервалась. Сектор 2 погас.

Вера откинулась в кресле. Руки дрожали — не от страха, а от чудовищного напряжения воли, которое требовалось, чтобы удержать в узде всё: ярость, жалость, тоску, холодный расчёт.

Она смотрела на кружку. На синие цветочки, на скол. Всё, что было за этим — память о матери, о Леониде, о «первом» Артёме, о всех сломленных жизнях — поднялось в ней немым рёвом. Рёвом, которому не было позволено вырваться наружу.

Она глубоко, с усилием вдохнула. Рёв не стих. Она просто придавила его, как придавливают крышкой скороварку, и поставила обратно на плиту. Пусть кипит внутри. У него будет своё время. Не сейчас.

В секторе Свифта всплыло новое сообщение: *«Понимаем. Ориентируемся на 11:03:30. Ждём сигнала Родник».*

В секторе «Наследника» замигал предупреждающий жёлтый: *«Аномалия Зелёный камертон. Паттерн стабилизируется. Интенсивность нарастает по прогнозируемой кривой. Пик ожидается в интервале 11:00–11:20».*

«Зелёный камертон». Аномалия, чей паттерн совпадал с моментами разрыва связи. «Наследник» определял его как «самоподдерживающийся резонансный контур неизвестной природы». Вера же видела в нём нечто иное. Не сигнал, а симптом. Симптом того, что Леонид, в своём мире чистых состояний и алгоритмов, не просто выживает. Он концентрируется. Собирает себя вокруг некоего ядра. И это ядро, этот нарождающийся в нем фокус воли, проектировался в их реальность как эта аномальная стабильная точка. Он не звал на помощь. Он становился мишенью. Самой важной мишенью в их уравнении.

Он готовился. Там, в своей немыслимой дали. Без торгов, без этой гнили компромиссов. Просто делал то, что должно быть сделано.

Она подняла кружку, прижала холодный фарфор ко лбу. На секунду внутренний гул стих, задавленный физическим ощущением. Потом поставила её обратно, ровно на то же место.

— Хорошо, — сказала она пустой комнате, и её голос снова был гладким, безжизненным, идеальным проводником для приказа. — Завтра в 11:03:30. Будем готовы.

НАСТРОЙКА КАМЕРТОНА

За час до рассвета «Гамаюн» погрузился в ту особую тишину, что бывает только в больницах — не отсутствие звука, а его приглушение до фонового гула жизни, поддерживаемой машинами. Вера стояла в центре лаборатории связи, и этот гул был её союзником. Он заглушал всё лишнее.

Перед ней, в кресле с анатомической поддержкой, сидел Артём. Не спал. Его глаза были открыты, но взгляд был обращён внутрь, на невидимую панель управления, которую только он мог видеть. На его висках и запястьях светились тонкие полоски биометрического геля — не электроды, а пассивные проводники, призванные не вчитываться, а сбрасывать избыток. Чтобы он не сгорел изнутри от того, что сейчас предстояло.

К-7, Мирон, находился в соседней, герметично закрытой камере. Его показания выводились на отдельный экран — ровная линия с идеальными зубцами.

— Это не сеанс связи, — сказала Вера, её голос в тишине прозвучал как инструкция к аппарату. — Это калибровка. Ты — не приёмник. Ты — фильтр. Твоя задача — найти резонанс с ретранслятором и очистить канал от всего, что не является сигналом. Посторонние частоты, эхо «криптерапии», нейронный шум самого носителя. Всё, что может исказить передачу в момент «Родника». Понятно?

Артём кивнул, не отводя внутреннего взгляда. Его дыхание уже замедлилось, стало настолько ровным, что казалось неживым.

— Понятно. Ищу камертон.

Он не «вошёл» в транс. Он сфокусировался. Его восприятие, искалеченное и перепрошитое, было похоже на радар со сбитой антенной — оно ловило всё подряд, но не могло выделить цель. Сейчас ему нужно было вручную, силой воли, настроить этот радар на одну-единственную частоту. На ту самую математическую чистоту, что пульсировала в мозгу спящего мальчика.

Сначала пришёл шум. Всегда сначала шум. Артём чувствовал его как давление на барабанные перепонки изнутри. Гул тысяч упрощённых сознаний в городе за стенами — скудный, плоский, похожий на звук телевизора в пустой комнате. Шепот рекламных слоганов «Кайрос», вплетённый в эфир. Собственное, назойливое эхо воспоминаний — не образов, а их эмоциональных отпечатков: усталость, тревога, та самая медная вина.

Он начал отсекал — как скульптор, отсекающий от глыбы всё лишнее. Он представлял не стену, а исчезновение. Шум «криптотерапии» растворялся, как сахар в воде. Эхо воспоминаний стиралось, как мел на доске. Это не было подавлением, а стиранием ластиком внимания. Он не боролся с помехами. Он переставал их замечать, лишал их смысла в своей внутренней вселенной.

И по мере того как шум стихал, из тишины начал проступать узор.

Сначала — как точка. Не в пространстве, а в самом восприятии. Точка идеального, невысказанного покоя. Не сонного, а сверхстойчивого. Как маятник, застывший в мёртвой точке, но не потому что сломан, а потому что его движение стало настолько малым и точным, что недоступно чувствам.

Затем точка развернулась. Стала линией. Чистым тоном. 80 Герц. Это была не просто частота, а качество безупречной синхронизации, где нет места диссонансу, потому что нет отдельных нот, есть только целое. Качество, которое Артём узнал. Не умом. Костями. Клетками. Это был тот самый резонанс, что когда-то выжег из него цвет и речь, но и вытащил из тьмы комы. Узнавание было болезненным, как прикосновение к шраму.

И за этим тоном, как тень за предметом, Артём почувствовал другое. Не сигнал. Намерение, вложенное в сигнал. Не мысль и не эмоцию — чистую, безусловную волю существования. «Я есть. Это мой знак». В этой интенции не было обращения к нему, Артёму. Не было просьбы или приказа. Была лишь абсолютная, безличная констатация факта, высеченная в ткани реальности. И в этой безличности было что-то невыносимо одинокое.

Артём не стал подключаться к этому намерению. Он стал ему параллельным. Настроил всё своё существо не на то, чтобы понять его, а на то, чтобы не исказить его. Сделать себя прозрачной средой для его прохождения. Он был не шлюзом, а шлифованным стеклом в оптическом пути. Его задача — пропускать свет, а не преломлять его.

— Контакт, — выдохнул он, и его голос прозвучал отстранённо, как будто его произнесла машина, считывающая данные. — Канал чист. Шум подавлен на 93%. Ретранслятор стабилен. Сигнал читается.

Он не сказал «Леонид». Сигнал не был человеком. Это был факт, явление, данность. Как закон тяготения.

Вера следила за показаниями. На экране, отображающем нейроактивность Артёма, хаотичные всплески улеглись, сменившись почти ровной, мощной синусоидой — признаком глубочайшей, управляемой концентрации. В камере с К-7 идеальные зубцы 80 Гц стали чуть ярче, чуть чётче.

Резонанс.

Она испытала облегчение. Её расчёты, её долгие годы анализа нейронных узоров, отпечатков, шаблонов, её интерпретация зелёных всплесков в данных — всё это сходилось в одной точке. В рабочем протоколе. Вера подошла к панели управления и внесла последние коррективы, синхронизируя внутренние часы «Гамаюна» с тем ритмом, что сейчас удерживал Артём. Всё было готово к приёму посылки, которая должна была прийти завтра.

— Доведи подавление шума до 97%, — сказала она тихо, но чётко. — И удержи. Пять минут. Потом выйди.

Артём снова кивнул, почти не двигаясь. На его лбу выступила испарина, но дыхание оставалось ровным. Он погрузился глубже в эту тишину, оттачивая прозрачность своего вос-

приятия, отсекая последние, самые тонкие помехи — фоновый трепет собственного сердца, микровибрации здания.

Вера смотрела на него, и где-то под грудой холодных расчётов шевельнулось что-то острое и живое. Гордость. Признание того, что этот сломленный мальчик стал самым точным и надёжным инструментом в её арсенале. И что этот факт был чудовищной несправедливостью, которую она, однако, была обязана использовать. Её ярость нашла новый объект — саму необходимость этого выбора.

Через пять минут ровный сигнал на экране Артёма дрогнул. Он сделал глубокий, сдавленный вдох, как человек, всплывающий после долгого ныряния. Его глаза, наконец, сфокусировались на комнате, но в них ещё плавала странная, отражённая глубина.

— Стабильно, — прошептал он. — Канал готов.

— Хорошо, — сказала Вера. Она не сказала «спасибо». Благодарность была бы ложью, осквернением той цены, которую он только что заплатил за эту «готовность». — Иди. Ты знаешь, что делать до сигнала.

Артём поднялся, движения его были немного одеревеневшими, чужими. Он шагнул к двери, но на пороге замер. Левая рука, потянувшаяся к косяку, промахнулась на ладонь — он не сразу понял, где кончается его тело и начинается стена. Пришлось сделать полшага в сторону, чтобы нащупать опору.

— Всё в порядке, — сказал он, не оборачиваясь. — Просто забыл, как ходить.

Он вышел, не глядя на неё, унося с собой в своих зрачках отблеск того одинокого, невысказанного сигнала из места, которого нет на картах.

Вера осталась одна. В тишине, нарушаемой только гулом систем. Завтра в 11:03:30 этот гул должен был превратиться в рев. А тишина в канале — в послание. Она взглянула на экран с показаниями К-7. Зубцы 80 Гц пульсировали ровно, как сердце хорошо сделанной машины.

Она подошла к окну. За стеклом тьма начинала синеть, уступая первому намёку на рассвет. Где-то там, в этом просыпающемся мире, готовился демонстрационный пуск. Где-то в неместе готовился к прыжку одинокий феномен. А здесь, в её тихой, стерильной крепости, всё было готово к тому, чтобы поймать эхо этого прыжка и превратить его в оружие.

Она не молилась. Не надеялась. Она проверяла логику событий, как проверяют расчёты моста перед нагрузкой. И пока расчёты сходились, можно было дышать. Можно было ждать. Можно было держать в руке холодную кружку с синими цветочками и чувствовать, как её трещина точно совпадает с трещиной, бегущей через всё мироздание.

Она поставила кружку на стол. Звук фарфора о стекло был тихим, но отчётливым — как щелчок взведённого курка. Завтра эта трещина либо разойдётся, разорвав всё, что она держала вместе. Либо её края, сдавленные невыносимым давлением грядущего дня, сольются в единый, прочный шрам. И тогда в этой новой целостности, купленной такой ценой, может быть, найдётся место не только для долга и ярости, но и для того хрупкого, золотисто-серебристого «семени» вопроса, который сейчас, в ином слое бытия, собирал из обломков себя тот, кого она когда-то знала как человека.

ГЛАВА 7. ОПЕРАЦИЯ «РОДНИК» ВОПРОС, ОТЛИТЫЙ В ФОРМУ

Параллельно с тем, как Вера замирала перед экранами, отсчитывая секунды до сигнала, в Городе без времени Леонид совершал последнее приготовление.

Он висел на грани Лимба, где ткань реальности истончалась до прозрачности. Рядом, впитав его парадокс, застыл Страж — бывшее Эхо, ставшее живым законом.

Перед ними пульсировал сгусток. Леонид собирал его не из воспоминаний — из того, что было до них. Из чистых состояний.

Он протянул луч сознания к кристаллу собственной травмы и извлёк не боль, а то, что предшествовало боли: мгновение перед ударом, занесённый кулак судьбы, ещё не опустившийся на него. Чистый акт ожидания.

Затем он обратился к осколку уничтоженного Сада и вытянул из него не горечь утраты, а последний миг перед распадом — ощущение расширения, когда сложность уходит в ничто.

И тогда Страж, повинаясь беззвучной команде, соединил их. Его холодная, безупречная логика стала оболочкой, внутри которой ожидание и распад, «до» и «после», сплелись в нерасторжимый узел.

Семя было готово. Ядовито-зелёная спираль, пульсирующая парадоксом, который нельзя упростить. Это превратилось не в оружие, а в вопрос, отлитый в форму.

— Оно не уничтожит Бездну, — сказал Страж. — Оно заразит её. Сделает несовершенной.

Леонид смотрел на Семя. Где-то там, внизу, Вера уже нажимала кнопку запуска.

— Значит, пора, — ответил он. И двинулся к краю.

ГЛУХАЯ ОБОРОНА (11:00:00 — 11:02:30)

Тишина в командном центре «Гамаюна» была иного рода — не природной, а насильственной. Её создавали. Вера стояла перед главным комплексом экранов, и её пальцы летали по голографическим клавишам не как по клавиатуре, а как хирург по струнам невидимого инструмента. Каждое нажатие — отсечение.

На центральном экране в режиме разделения показывалось три потока.

Поток А: Прямая трансляция с площадки перед комплексом «Гномон». Солнечный свет, стерильные белые павильоны, толпа в деловых костюмах. В центре кадра — Игорь Стрельцов. Он улыбался, говорил что-то о «новой эре душевного спокойствия», и его голос, очищенный от помех, лился из динамиков ровным, гипнотическим потоком. Вера отключила звук. Ей нужна была только картинка — индикатор начала спектакля.

Поток Б: Данные телеметрии от Свифта. Зелёная строка: «Шестерёнка-1 и -2 на точках входа Альфа и Бета. Статус зелёный. Ожидание окна. Последнее подтверждение в 10:59:48».

Поток В: Биометрия Артёма и К-7. Две синусоиды. Одна — почти ровная линия с редкими, глубокими впадинами (К-7, спящий генератор). Друга — напряжённая, высокая волна с неестественной стабильностью амплитуды (Артём, живой фильтр).

— «Наследник», итоговый статус экранирования, — сказала Вера, не отрывая взгляда.

Голос возник из ниоткуда, как всегда: *«Протокол Тишина активирован на 100%. Все внешние сенсоры, включая пассивный сбор метаданных о сетевой активности, отключены. ЭМИ-завеса активна в радиусе 50 метров. Для внешних наблюдателей Гамаюн представляет собой объект с нулевым электромагнитным излучением, эквивалентный заброшенному складу. Внутренние системы переведены на автономное питание от резервных криогенераторов. Мы невидимы».*

«Невидимы, — повторила Вера про себя. — Как он там».

Она перевела взгляд на Артёма. Он сидел в своём кресле в центре комнаты, тело ослаблено, но каждая мышца казалась выточенной из напряжённого мрамора. Его глаза были закрыты, но веки подрагивали, следя за внутренней схемой. Он уже не здесь. Он там, в пограничье, натягивая свою «призму», готовясь стать не проводником, а абсолютным акустическим вакуумом, через который сможет пройти только один-единственный звук.

— Артём, — её голос резал искусственную тишь комнаты. — Старт протокола «Тишина-2». Полное отключение от моих голосовых команд. Ты получаешь один триггер — визуальную метку на внутреннем экране в 11:03:25. Всё, что до и после — шум. Ты его не слышишь. Понятно?

Без открытия глаз Артём кивнул, один раз, коротко и жёстко, как солдат, подтверждающий приказ. Его синусоида на экране даже не дрогнула.

Вера посмотрела на часы. Синхронизированные атомные часы «Гамаюна», «Наследника» и, по её расчётам, те внутренние, немеханические часы, что тикали в не-месте у Леонида, показывали 11:01:17.

На экране со Стрельцовым тот поднял руки, призывая к тишине. Церемония подходила к кульминации. На экране Свифта зелёная строка сменилась на жёлтую: «*Окно открывается. Движемся*».

Она сделала последнее, что могла. Отправила заранее заготовленный, зашифрованный и задержанный пакет по каналу Свифта. Всего два символа: «Рд».

«Родник».

Затем она откинулась в кресле. Её руки опустились на подлокотники. Движения больше не было. Её роль сменилась: из стратега и дирижёра она превратилась в наблюдателя и якорь. Всё, что она могла теперь — смотреть.

На экране с биометрией Артёма синусоида окончательно застыла, превратившись в идеальную, невозможную в природе прямую линию на экстремально высокой амплитуде. Он достиг нужного состояния. Готовности к полному молчанию.

Вера перевела взгляд на пульсирующие часы.

11:02:55.

Тишина вокруг была уже не насильственной. Она стала сущностью, пронизывающей каждый атом вокруг. Воздух, казалось, перестал вибрировать. Давление в ушах нарастало. «Гамаюн» сделал последний вдох и затаился, превратившись в чёрную дыру на карте мира, готовую принять в себя вспышку из другой реальности.

Вера не молилась. Она просто ждала, чувствуя, как трещина на ручке воображаемой кружки в её сознании совпадает с тиканьем секунд, уводящих их всех в точку невозврата.

ЖИВОЙ ФИЛЬТР (11:02:30 — 11:03:25)

Для Артёма времени не существовало. Было лишь напряжение. Оно было не эмоцией, а физическим параметром, как температура или давление, доведёнными до предела терпимости. Он был не в комнате и не в своём теле. Он был в точке соприкосновения двух контуров.

Первый контур — генератор. Так он мысленно обозначил спящее сознание К-7. Оно не было живым в привычном смысле. Это был источник сигнала определённой чистоты, подобный кристаллу в высокоточных часах. Ровный, холодный, неумолимый. Его 80 Гц были не частотой, а осью, вокруг которой должно было выстроиться всё остальное.

Второй контур — мир. Вернее, его шумовой фон. Это было море, бушующее за тончайшей мембраной его восприятия. Он чувствовал давление: плоский гул миллионов упрощённых сознаний, агрессивные всполохи медиа, низкий стон инфраструктуры — и самый опасный, внутренний шум: вину, страх, боль.

Его задача была безумна по сложности и проста по формулировке: сделать так, чтобы первый контур не слышал второго. Чтобы идеальный сигнал прошёл, не искажённый ни на йоту.

Он начал не с борьбы, а с забвения. Он не отталкивал шумы. Он переставал признавать их значимыми. На что бы он не обращал внимания, его мозг отказывался интерпретировать лица как лица, звуки как речь. Они становятся просто движением цвета и света, акустическим фоном. Артём делал это со всем миром. «Крипותרapia» превращалась в безразличный фоновый гул, лишённый смысла угрозы. Медиашум рассыпался на цветные вспышки, не несущие информации. Электромагнитный смог стал просто ощущением лёгкого статического заряда на коже.

Сложнее было с внутренним шумом. Его нельзя было просто отключить. Он был частью схемы. Тогда Артём поступил иначе. Он изолировал его. Он представил свою вину, свой страх, свою потерю как отдельный, герметичный модуль в общей системе. Как чёрный ящик, который можно оставить включённым, но выходы которого отключены от главного процессора. Пусть шумят там, внутри. Они больше не имеют доступа к каналу.

И по мере того как внешний и внутренний мир теряли для него значимость, на первый план выходила ось. Чистый тон из мозга К-7. Он стал единственной реальностью. Единственным фактом. Всё остальное было иллюзией, помехой, фантомом.

В этом состоянии он увидел нечто новое. Не образ, а *геометрию процесса*. Сигнал был не волной, а спиралью. Идеально закрученной, бесконечно разворачивающейся структурой. Она была не статична. Она росла. И в самом принципе её роста Артём, к своему ужасу и восхищению, узнал жажду. Ненасытную, чистую, безобъектную жажду становиться больше, сложнее, глубже. Это было свойством не самого сигнала, а его источника — того, кто его послал.

И в этот момент перед его внутренним взором вспыхнула метка. Чистый белый круг на тёмном фоне. 11:03:25. Триггер. Он убрал последний барьер. Врата открыты.

У КРАЯ

Здесь не было «края» в географическом смысле. Была граница восприятия. Леонид плыл, или его несло, или он сам был течением — различия стирались — к тому месту, где ткань Города не просто истончалась, а выворачивалась наизнанку.

Бездна.

Он не видел её глазами. Он чувствовал всем своим существом как тягучее, леденящее отсутствие. Это была не просто тьма. Тьма — это хоть что-то. Это было активное, ненасытное пожирание всего: света, формы, вибрации, смысла. Идеальный вакуум, который не пуст, а голоден. И этот голод ощущался как физическая сила, вытягивающая из него нити его собственной, насильно собранной формы.

Его спутник — то, что когда-то было Эхом, а теперь стало *Стражем Семени* — висел рядом. Он больше не напоминал ни сферу, ни кристалл. Это была сложная, многослойная структура, напоминающая то ли схему нейронной сети, то ли формулу, высеченную в свете. Внутри неё, в самом ядре, пульсировало завершённое Семя. Не приманка, не оружие. Вопрос, отлитый в форму. Спираль жажды, воплощённая в шаблон.

«*Приближение опасно*, — резонировала мысль Стража, не звуча в ушах, а изменяя саму конфигурацию пространства вокруг них. — *Давление небытия возрастает в геометрической прогрессии. Твоя форма дестабилизируется*».

Леонид знал это без предупреждений. Края его светящегося силуэта начинали «пылиться» — мелкие частицы сознания отрывались и уносились в сторону Бездны, как пыль в воронку «черной дыры». Каждая потерянная частица была обрывком памяти: вкус кофе из автомата в институте, чувство холода металлической кровати в «Эйдосе», отголосок голоса Веры, говорящей «проверяй данные». Они утекали, и с ними утекала память о том, что эти ощущения что-то значили. Оставались только голые, безэмоциональные факты.

Он не пытался удержать форму. Но ему было важно сохранить направление. Ту самую тоску, что привела его сюда. Не ностальгию по прошлому, а тягу к чему-то, что было *до* всех

этих обрывков. К источнику. К роднику, который был не воспоминанием, а архетипом жажды. Эта жажда сейчас была его единственным компасом.

— Готовь Семя, — его мысль обратилась к Стражу. — Они ударили. Мы чувствуем ослабление.

Он говорил о земном мире. Он не «слышал» взрыв или крик. Он чувствовал едва уловимое дрожание в самой тяге Бездны. Мгновенное ослабление потока, будто на другом конце вселенной кто-то перекрыл кран, питающий этого голодного бога. Это и было их окном. Момент, когда его всепоглощающий рык на миг перехватило.

Страж отозвался действием. Его структура сжалась вокруг Семени, фокусируя его, как линза фокусирует солнечный свет в точку, способную прожечь сталь. Семя засияло ярче, но свет его был странным — не излучающим, а вбирающим в себя все оттенки окружающего Лимба, становясь не цветом, а их отсутствием, чёрной дырой сложности.

— Теперь, — подумал Леонид. И в этот миг он совершил выбор. Инстинктивно. Вся его долгая борьба за форму, за контроль, за понимание — всё это было подготовкой к одному: к моменту, когда нужно будет отпустить.

Он не «бросил» Семя в Бездну. Он перестал быть *между* Семенем и Бездной.

Он отступил в сторону, позволив тоске — той самой, чистой, необусловленной жаждой — стать единственной связью между вопросом, отлитым в форму, и голодом, который жаждал этот вопрос поглотить.

Семя, ведомое не волей, а самой природой жажды, устремилось вперёд. Оно не летело, а просто исчезало здесь и проявлялось там, ближе к эпицентру небытия, как кадр на плёнке, следующий за предыдущим.

Бездна, почувствовав приближение чего-то сложного, чего-то, что нельзя было просто схлопнуть в точку, отреагировала. Её гладкая, чёрная поверхность (хотя поверхности не было, было лишь ощущение предела) вздыбилась. Это был всплеск абсолютного, негативного внимания. Пространство вокруг Семени стало не просто пустым, а анти-материальным. Оно пыталось распустить сложную спираль на составляющие, упростить до базовых элементов, которые можно было бы проглотить.

Но Семя было сплетено не из элементов, а из связей. Из парадоксов. Из «до» и «после», связанных живым законом Эха. Его нельзя было разобрать, не разрушив сам инструмент разбора. Бездна зависла. Её алгоритм упрощения дал сбой, наткнувшись на логический вирус — вопрос, на который не было простого ответа.

В этот миг задержки, в эту микроскопическую трещину в абсолютном порядке, Семя совершило свою работу. Оно не атаковало, а заразило её. Высокоорганизованная сложность, как кристалл, начала расти внутри среды, предназначенной для однородности. Чёрная гладь Бездны в месте «контакта» покрылась мерцающей, фрактальной рябью — не цветом, а искажением самого принципа чёрности.

Леонид наблюдал, чувствуя, как его собственная форма, лишённая теперь даже отвлекающих воспоминаний, становится проще, чище, эффективнее. Он горел, как фитиль, питая этот процесс. Он не испытывал триумфа. Он ощущал освобождение. Каждая частица, унесённая Бездной, каждый обрывок памяти, стёртый её тягой, были платой за это освобождение от самого себя. От иллюзии, что он — это сумма его травм и его прошлого.

Бездна не была побеждена, но она изменилась. В её сердце теперь бился шрам из невозможной геометрии. Хронофаги, чьи тени он чувствовал на окраинах восприятия, замерли в недоумении, лишённые чёткой команды.

ОТПЕЧАТОК ТВОРЦА (Земля, 11:03:30 — 11:04:10)

Внутри «Гномона» пахло озоном и стерильным холодом. Воздух вибрировал от едва слышного гула квантовых процессоров — звука, похожего на застывший крик. Артур Свифт шёл по узкому техкоридору не как владелец, а как призрак. Его окружали трое его людей, в

серые комбинезоны техслужбы. Их лица были напряжены, но руки работали точно: отключали камеры, вскрывали панели, прокладывали путь. Это были не солдаты и не наемники, а инженеры, лучшие из тех, кого он когда-то привлёк в Santex, а потом вывел из игры, заплатив за молчание и верность. Теперь они платили по счетам.

«Точка Альфа, чистый проход. Две минуты до сбоя в расписании охраны», — доложил один из них, голос в микро-гарнитуре звучал ровно.

Свифт кивнул. Он не чувствовал страха. В нем жила пустота, более страшная, чем любой страх. Пустота, в которой плавало только одно — лицо его сына на больничной подушке. Лицо, лишённое не только сознания, но и малейшей гримасы боли или радости. Окончательно очищенное. Как раз то, к чему стремился «Гномон».

Они свернули за угол, и перед ними открылась дверь. Не бронированная, а матовая, чёрная, без ручек. Панель управления сбоку. Биометрический шлюз с автономным питанием. Система, которую он когда-то проектировал для хранения самых ценных и опасных чертежей Santex. Её нельзя было взломать через сеть. Её нельзя было отключить, не уничтожив всё содержимое. Только один человек в мире имел к ней доступ уровня «Творец».

— Здесь, — просто сказал Свифт.

Его люди расступились, образовав периметр. Они отвернулись от него, уставившись в темноту коридора, держа в руках не оружие, а устройства, создающие локальные помехи для датчиков движения.

Свифт подошёл к панели. На сенсорном экране всплыло приглашение: *«Требуется аутентификация для доступа к ядру системы охлаждения (Контур Гефест). Уровень: Творец»*.

Он снял перчатку. Его рука в свете экрана казалась восковой, чужой. Он приложил ладонь к холодному стеклу сканера. Зелёный луч скользнул по линиям.

Отпечаток подтверждён. А. Swift. Уровень доступа: Творец.

Затем экран погас, и из потолка выдвинулась линза. Сканер сетчатки. Свифт поднял голову. Он знал, что сейчас система сравнит не просто узор сосудов. Она проверит микроподрагивания зрачка, реакцию на свет — признаки жизни и сознания. Признаки того, что перед ней не отрезанная голова, а живой создатель.

Яркий луч ударил в глаз. Больно. Но он не моргнул, а продолжал смотреть в эту линзу и видел в её отражении своё лицо — осунувшееся, с тёмными кругами. Лицо отца, который не спас своего сына.

Сетчатка подтверждена. Голосовая проверка отменена (режим «Тишина»). Добро пожаловать, создатель.

Чёрная дверь бесшумно отъехала в сторону, открыв небольшое помещение. Внутри, в сиянии синих LED-ламп, стояли ряды цилиндрических колонн — квантовые процессоры. И в центре — прозрачный куб с бурлящей внутри охлаждающей жидкостью. К нему вела тонкая, хирургически чистая магистраль. Точка инъекции.

Свифт вошёл внутрь. Холод обнял его, просочился сквозь комбинезон. Он подошёл к кубу, достал из внутреннего кармана устройство, похожее на медицинский шприц-пистолет. Внутри был не яд и не кислота, а наноразмерные керамические чешуйки с памятью формы. Попадая в поток, они должны были, как паразиты, осесть на теплообменниках, вырасти в абразивную паутину и разорвать тончайшие каналы изнутри. Тихая, отсроченная смерть от перегрева.

Он прислонил наконечник к порту ввода. Рука не дрожала. Внутри была только пустота и лицо сына.

— Прости, — прошептал он. Он обращался к самому себе. Себе прежнему, который верил, что можно контролировать эволюцию. Себе нынешнему, который для спасения одних должен был убить творение других.

Он нажал на спуск. Тихий пневматический щелчок. Пузырёк в шприце опустел. В магистрали ничего не изменилось. Смерть была посеяна, и теперь ей нужно было время, чтобы созреть.

Он отступил и спрятал устройство. Его миссия здесь была завершена. Он обернулся, чтобы дать сигнал к отходу.

И в этот момент по всему комплексу, как судорога, прошла волна. Не звуковая. Электромагнитная. Свет на миг погас, сменился аварийным красным. Гул процессоров сорвался на визг, а затем на тяжёлое, хриплое бормотание. Где-то далеко, на поверхности, сорвался голос Стрельцова с экрана.

Диверсия Волохова. Сбой в наведении. Луч «Гномона» дернулся.

Но здесь, в святая святых, сбой означал другое. Срабатывание системы защиты ядра. Автономные турели, встроенные в стены и потолок и до сих пор пребывавшие в спящем режиме, выдвинулись с мягким шипением пневматики. Их сенсоры, слепые к легитимному «Творцу», теперь сканировали помещение на предмет несанкционированной активности, тепловых аномалий, посторонних предметов.

Один из людей Свифта, стоявший ближе к двери, инстинктивно рванулся в сторону, чтобы укрыться. Его движение было слишком резким.

Турель на потолке плавно развернулась. Беззвучная вспышка микроволнового импульса — не пули, а сгусток энергии, предназначенный для мгновенного перегрева нервной системы и электроники.

Человек в комбинезоне даже не вскрикнул. Он просто сложился, как тряпичная кукла, и рухнул на пол. От него потянулся слабый запах горелой плоти и пластика.

— Не двигаться! — скомандовал Свифт, и его голос впервые за много лет прозвучал как приказ, выкованный в огне. — Они реагируют на резкое перемещение и несанкционированные излучения! Стоять как статуи!

Он сам замер, чувствуя, как холодный луч сканера скользит по его лицу, по груди, по рукам. Система колебалась. Его биометрия говорила «свой». Но его неподвижные спутники, их отключённая электроника и тело на полу кричали «чужой».

Где-то вдали послышались шаги. Охрана, поднятая по тревоге.

У них было меньше минуты, чтобы исчезнуть. Или стать такими же неподвижными, как его сын.

Свифт смотрел на тушу турели, на своего мёртвого человека, на пульсирующий красный свет. Он заплатил первую цену. Настоящую. И понял, что это только начало расплаты.

ОБРАТНАЯ ВОЛНА (Интерфейс, 11:03:31 — 11:03:45)

Артём был пустотой. Он был совершенным сосудом, отполированным изнутри до зеркального блеска, готовым принять в себя один-единственный сигнал вселенной.

11:03:25: Триггер. Канал открыт. Абсолютная пустота.

11:03:28—29: Через него, как луч сквозь идеальную линзу, проходит чистое «Семя» Леонида. Он регистрирует лишь его «качество» — жажду, целостность.

11:03:30: Удар обратной волны от «Гномона».

И тогда в пустоту, на миг наполненную этим смыслом, ударил хаос.

Это было нечто изнаночное и чудовищное. Запись идеальной ноты, проигранная задом наперёд, разорванная на клочья, смешанная со скрежетом ломающегося металла и статическим шипением пустого эфира. Это была агония машины.

Обратная волна от сбоя «Гномона», искажённая диверсией Волохова и начавшимся саботажем Свифта, рванула в эфир. Это был не направленный луч, а предсмертный спазм системы подавления — слепой, яростный, всеокрушающий. И поскольку Артём был единственным существом в радиусе действия, настроенным на частоту 80 Гц с такой неестественной, абсолютной чистотой, волна устремилась прямо в него, как молния в громоотвод.

Удар пришёл сразу через всё.

Зрение: Внутренний экран, на котором секунду назад висела лишь метка-триггер, взорвался белым калейдоскопом распадающихся смыслов. Буквы алфавита рассыпались на чёрные пиксели, которые затем таяли. Знакомые лица (Вера, тень первого Артёма, его собственная в зеркале) расплывались, как мазки акварели под струёй воды. Цвета спектра не смешивались, а аннигилировали друг с другом, оставляя после себя выжженную серость не-цвета.

Слух: Он не слышал звука. Он ощущал анти-звук. Звуковую дыру, которая высасывала из памяти все мелодии, все голоса, заменяя их нарастающим, всепоглощающим гулом тишины после взрыва — тем самым гулом, что стоит в ушах, когда мир вокруг только что перестал существовать.

Тактильность: Ощущение собственного тела, тщательно отодвинутое им на периферию сознания, вернулось огненной болью. Это была боль не в мышцах или органах, а в распаде нейронных связей. Он чувствовал, как ветвистые деревья его синапсов, и без того повреждённые, начинали темнеть и рассыпаться в пепел от корней к вершинам. И это была не метафора: прямое, ужасающее восприятие того, как его дар — его проклятая, единственная ценность — умирал.

Его совершенный фильтр дал трещину. Не одну — миллионы микроскопических трещин, через которые хлынул хаос. Он пытался удержать контроль, вернуться к состоянию пустоты, но это было невозможно, так же как пытаться собрать обратно взорвавшуюся гранату.

И сквозь этот ад, сквозь рёв распада, он уловил *его*. На долю микросекунды. Не сигнал, а качество.

То самое качество целостности, жажды, чистого вопрошания, что было заложено в Семени Леонида. Оно прошло сквозь бурю, как луч прожектора сквозь пыльную бурю — ослепительное, немыслимое, чужеродное этой реальности. Оно коснулось его и исцелило.

На мгновение оно склеило трещины в его восприятии. Остановило распад смыслов. Вернуло ему на долю секунды ясность — страшную, безжалостную ясность умирающего, который видит мир в его последней, совершенной простоте.

В этой ясности он понял всё.

Понял: принял удар за других.

Понял: дар сгорел.

Понял: это плата.

Ясность исчезла. Боль, гул, распад смыслов — всё вернулось, но уже приглушённо, как отголоски после основного удара. Его внутренний экран погас, оставив после себя не тьму, а глухую, непроглядную белизну. Отсутствие возможности видеть.

Физически он сидел в кресле. На экране Веры его идеальная синусоида исчезла. Вместо неё — хаотическая, низкоамплитудная дрожь, сигнал мозга, пережившего короткое замыкание и пытающегося перезагрузиться.

Он был слеп. Глух внутри себя. Его дар умер.

Но фильтр, в последнем акте самопожертвования, сработал. Хаос не прошёл дальше. Не достиг хрупкого генератора в мозгу К-7. Не достиг Веры. Он был поглощён, погашен, сгорел в костре его собственного, искалеченного сознания.

Артём сделал слабый, прерывистый вдох. Из его носа и уголков глаз потекла тонкая струйка крови — капилляры не выдержали перегрузки. Он не чувствовал этого. Он ощущал лишь тишину. Настоящую, окончательную тишину. Ту, что наступает после того, как последнее эхо раската грома замирает в горах.

Он стал пеплом. И в этом пепле, странным образом, было спокойствие. Удовлетворение выплаченным долгом, уплаченной ценой, выполненной миссией.

Его тело, больше не управляемое волей, медленно наклонилось вперёд, потеряв сознание. На экране биометрии замигал красный индикатор.

Но канал, тот самый, что вёл к К-7, на секунду перед окончательным отключением Артёма, блеснул. На экране с показаниями мальчика идеальные зубцы 80 Гц вдруг развернулись, превратившись в сложную, прекрасную, пульсирующую мандалу — точное отражение Семени, дошедшее до цели.

Артём не увидел этого. Он уже ничего не мог видеть. Но где-то в глубине выжженной белизны, может быть, осталось смутное знание, что это он и позволил этому случиться. Ценой всего, что в нём было.

РЕЗОНАНС (11:05 — 11:07)

В мире не бывает одиночных событий. Есть удар — и есть эхо, разбегающееся по всем этажам реальности.

В комплексе «Гномон» гул квантовых процессоров сменился нарастающим, мучительным воем перегрева. Системы аварийного охлаждения, отравленные наночешуйками, захлебывались. В машзалах погас синий свет стабильности, вспыхнуло багровое зарево тревоги. На экранах управления, где секунду назад висели расчёты для «Волны покоя», теперь ползли каскадные ошибки, словно цифровая кровь из открытой раны. Стрельцов стоял перед остеклёнными инвесторами, и его лицо, всегда собранное в маску спокойной уверенности, было искажено немой яростью. Его инструмент — нет, его мечта — умирала с тихим шипением и треском лопающихся конденсаторов, и он ничего не мог сделать. Диверсия была безупречной и внутренней. Предательство системы самой собой.

В палате «Гамаюна», где лежал К-7, энцефалограф зафиксировал невозможное. Идеальные зубцы 80 Гц дрогнули, развернулись и расцвели. На экране возникла не схема, а мандала. Сложная, многослойная, пульсирующая в ритме, не имеющем аналогов в земной физиологии. Она была живой, но не биологической. Это был узор. Отпечаток Семени в среде, которая должна была быть стерильной. Мозг мальчика, бывший ретранслятором, на мгновение стал проектором, выведя на монитор карту иного измерения. «Наследник», анализируя паттерн, не выдавал диагнозов. Он просто констатировал:

«Аномалия Альфа-Омега. Стабильная.

Влияние на носителя: нейтральное.

Энергетическая подпись: не соответствует известным архивам».

А в Городе, у края Бездны, происходило тихое чудо. Чудо для тех, кто понимал язык этой реальности. Абсолютная чёрная гладь, пожирающая всё, теперь мерцала. В месте, куда ушло Семя, на поверхности небытия проступала сложная, фрактальная рябь. Она не светилась. Она была искажением самой черноты, её отрицанием изнутри. Парадокс, вплетённый в ткань упрощения, работал как стабилизатор обратного действия. Он не уничтожал Бездну. Он вносил в её алгоритм вечный цикл — вопрос без ответа, заставлявший систему вычислять саму себя, тратя энергию на бесконечную, бесплодную работу. Это был вирус метастабильности. Он делал её несовершенной. Хронофаги, чьи тени метались на периферии, потеряли ориентацию. Их протоколы, настроенные на поглощение хаоса и изгнание сложности, давали сбой перед этой новой, упорядоченной аномалией. Они замерли, как механические псы, уткнувшиеся в невидимую стену.

Три мира. Три отклика на один удар. На Земле — смерть машины и рождение ярости. В интерфейсе — рождение невозможного узора. В Городе — внесение изъяна в абсолют. Эхо удара разошлось, и теперь каждому предстояло жить с его последствиями.

КОМАНДНЫЙ ЦЕНТР «ГАМАЮНА»

Тишина была сломанной. Её нарушали теперь не искусственные помехи, а звуки последствий: прерывистое дыхание Артёма, доносящееся из открытых дверей медблока, и тихое, яростное бормотание «Наследника», отражающего первую волну кибератак на периметр.

Вера стояла перед главным экраном. Трансляция из «Гномона» прервалась знаком «NO SIGNAL». На экране телеметрии Свифта горел последний, статичный статус: «Задание выпол-

нено. Канал свёрнут. Потери: 1». На экране К-7 пульсировала незнакомая, живая мандала — красивый, чужеродный узор, который «Наследник» даже не пытался анализировать, просто фиксируя как «Аномалию Альфа-Омега. Стабильная».

Победа. Тактическая, уродливая, купленная кровью.

Экран внутренней связи взорвался сообщениями. *«Дежурный врач: Пациент Артём К. без сознания, признаки обширного нейронального шока. Капиллярное кровотечение остановлено. Прогноз неясен».*

«Служба безопасности: Зафиксированы целевые попытки взлома внешнего контура. Уровень угрозы: высокий. Источник — аффилиаты Кайрос».

«Административный интерфейс: Входящий приоритетный вызов от генерала Ермакова».

Вера проигнорировала всё, кроме последнего. Она надела наушник, включила видео. Лицо Ермакова заполнило экран. На нём не было ни ярости, ни усталости. Была ледяная, официальная пустота.

— Тихонова. Что, чёрт возьми, вы натворили?

— Провели плановые учения по экранированию в условиях имитации кибератаки, — её голос звучал ровно, как дикторский текст. — Зафиксировали побочные электромагнитные аномалии, вероятно, связанные со сбоями в работе сторонних объектов. Один из операторов получил неопасный для жизни нервный срыв от перегрузки. Готовлю отчёт.

— Не смейте, — Ермаков произнёс это без повышения тона, но в кабинете похолодало. — «Гномон» только что вышел из строя. Навсегда. У них горят серверы, плавится дорогостоящее оборудование. Стрельцов давится перед инвесторами. И все их системы указывают на всплеск активности, совпавший по времени и спектральной сигнатуре с вашим «учением». Вы понимаете, что вы сделали? Вы не сорвали пуск. Вы объявили войну. Открытую.

— Тогда, — не моргнув глазом, сказала Вера, — вам следует либо меня арестовать, либо предоставить «Гамаюну» статус особо охраняемого объекта стратегического значения. Потому что если они идут на меня войной, значит, то, что я охраняю, для них смертельно опасно. А что опаснее для машины по стиранию смыслов, чем живое доказательство, что эти смыслы можно защитить?

Она смотрела ему в глаза через экран. Её ставка была отчаянной и блестящей. Она превращала разоблачение в козырь. *Мы не скрываемся. Мы — крепость. И вы теперь либо наш гарнизон, либо соучастник нашего уничтожения.*

Ермаков долго молчал. Потом резко кивнул, будто отрубая невидимую нить.

— Отчёт. Вчерашним числом. Без фантазий. И готовьтесь к визиту военной инспекции. Ваш «Гамаюн» с этого момента находится под моей защитой. И под моим каблуком. Каждый ваш чих будет согласовываться. Вы превратили убежище в укрепрайон, Тихонова. Надеюсь, вам понравится в нём сидеть.

«С видом на вечность, — подумала Вера. — Мечта пенсионера».

Связь прервалась.

Вера сняла наушник. Она выиграла битву за существование «Гамаюна». И проиграла войну за свою свободу. Отныне она не главный врач. Она комендант крепости в осаде.

Она обернулась, её взгляд упал на пустой стул Артёма, на тёмный экран его биометрии. Ярость, которую она держала на замке, рванула наружу. Она не закричала. Она сжала кулаки так, что ногти впились в кожу, оставив кровавые полумесяцы.

Она подошла к окну. Рассвет бурел над лесом, окрашивая периметр в кроваво-красные тона. Где-то там, в этом новом, враждебном утре, был человек, отдавший за это свою жизнь. Где-то в палате лежал мальчик, расплатившийся своим даром. А где-то в не-месте он ушёл. Возможно, окончательно.

Она положила лоб на холодное стекло. На секунду она позволила вырваться тоске наружу — не по человеку, а по той простоте, когда враг был понятен, а союзник был рядом.

ИНТЕРФЕЙС. ПАЛАТА ИНТЕНСИВНОЙ ТЕРАПИИ

Артём пришёл в себя от ощущения белизны. Он открыл глаза (он *чувствовал*, что открыл), но видел только ровное, непроглядное молочно-белое поле. Ни теней, ни форм, ни лиц. Но вместо паники он испытывал чувство принятия и покоя. Как если бы часть мозга, отвечающая за ужас, сторела вместе с даром.

Он почувствовал прикосновение к руке. Холодное, знакомое. Вера.

— Не вижу, — его голос был хриплым шёпотом, будто давно не использовался.

— Знаю, — ответил её голос. Она говорила без жалости и без надрыва. Но теплая нотка сочувствия все же отозвалась в груди Артема. — Нейронный шок. Повреждение затылочных долей и ассоциативных центров. Восстановление под вопросом.

Он кивнул. Движение далось с трудом, голова гудела пустой болью.

— К-7? Сигнал?

— Прошёл. Цель достигнута.

Артём снова кивнул. Хорошо. Значит, не зря.

— Что теперь? — спросил он в белую пустоту перед собой.

Пауза. Потом её голос, чуть ближе:

— Прости, — вдруг вырвалось у неё, голос сорвался на хрипоту, и она тут же взяла себя в руки, снова став главврачом. — Теперь ты здесь. Забудь о том, что ты был инструментом. Ты нужен мне как хранитель памяти. Как живой отчёт о том, чего это стоит.

— Хорошо, — прошептал он. И закрыл глаза, которые и так ничего не видели. Возможно, теперь его мир всегда будет белым. Но чувство выполненного долга давало достаточно смысла, чтобы не сойти с ума.

СЕМЯ, ПЕПЕЛ И ЯКОРЬ (Спустя несколько часов)

Ночью в кабинете Веры стояла тишина. Отчёты были отправлены. Протоколы «Гамаюна» переписаны под новые, жёсткие стандарты Ермакова. Кибератаки стихли, сменившись паутиной постоянного, невидимого наблюдения.

Вера сидела за пустым столом. Кружка с синими цветочками стояла перед ней. Она смотрела не на неё, а на три экрана.

На первом — стабильная, пульсирующая мандала К-7. Доказательство. Семя, давшее росток в самой невозможной почве.

На втором — ровная, низкоамплитудная линия энцефалограммы Артёма. Цена. Пепёл дара, остывающий в тишине.

На третьем — карта нового, утверждённого периметра охраны «Гамаюна» с десятками красных точек — постов, датчиков, камер. Новая реальность. Крепость-тюрьма.

Она взяла кружку. Холодный фарфор не принёс утешения.

Она не чувствовала победы. Чувство выполненного долга было холодным и металлическим, как ключ от сейфа. Оно заперло внутри ярость, жалость и тоску по Леониду, но уже не как по человеку, а как по символу иной, потерянной реальности. Теперь эта тоска была просто фактом её биологии, как шрам. Ей было жалко всех, и себя в том числе, но жалость эта была бессильна что-либо изменить. Она стала топливом для бесконечной осады.

Она поставила кружку на место. Поднялась, подошла к окну. За стеклом, в ночи, маячили тени охраны. Её мир сжался до размеров периметра. Её война из подвижной партизанской схватки превратилась в позиционную осаду.

Она сделала глубокий вдох. Выдох. Включила настольную лампу. На столе лежала первая папка дел для нового, «утверждённого» научного совета. Работа не заканчивалась. Она просто принимала новые, более жёсткие правила.

Опершись локтями о стол, Вера Тихонова начала читать. Первая страница. Первая строка. Всё остальное — тоска, ярость, жалость, память о вкусе воды из родника — было аккуратно сложено, упаковано и отправлено в тот самый внутренний сейф, где она хранила долги. Теперь они были оплачены. Можно было работать дальше.

ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ ЖЕРТВА НОВОЙ ВОЙНЫ

Утро в «Гамаюне» началось не с гула аппаратов, а с лязга сапог по отполированному до блеска полу нового, «соответствующего стандартам безопасности» коридора. Вера шла в кильватере Ермакова, который вёл экскурсию для двух человек в строгих, но невоенных костюмах. Инспекторы. Их лица были вырезаны из того же материала, что и протоколы, которые они приехали проверять — непроницаемого и слегка пожелтевшего от времени.

— и здесь, — голос Ермакова звучал непривычно громко и плавно, как заученная речь на параде, — располагается наше «Отделение когнитивной стабилизации и анализа аномалий». Уникальный, как я уже говорил, проект. Раннее выявление угроз психическому здоровью нации в эпоху цифрового перенасыщения.

Один из инспекторов, с рыбьими глазами, скользнул взглядом по запертым дверям палат.

— А пациенты? «Аномалии»?

— На интенсивной терапии или в состоянии медикаментозного покоя, — отчеканила Вера, не поворачивая головы. — Протокол требует изоляции на период адаптации к новым терапевтическим режимам. Во избежание непредсказуемых реакций на ваше присутствие.

Инспектор что-то отметил на планшете. Второй, похожий на высохшую гусеницу, копошившуюся в бумагах, поднял голову:

— В документах фигурирует «операция по пресечению деятельности хакерской группировки». Это силовое вмешательство?

— Сугубо цифровое, — парировал Ермаков, бросая на Веру взгляд, в котором читалось: «Твоя очередь, выкручивайся». — Доктор Тихонова и её команда разработали уникальный алгоритм обратного трассирования и блокировки вредоносных сигналов. Без единого выстрела. Если не считать сгоревших процессоров на той стороне, — добавил он с лёгкой, леденящей усмешкой. — Но это, как говорится, производственные издержки кибергигиены.

Инспекторы переглянулись. Гусеница снова уткнулся в бумаги. Рыба поплыла дальше.

Когда комиссия, наконец, загрузилась в чёрный микроавтобус с тонированными стёклами, Ермаков обернулся к Вере. Его парадное выражение лица сменилось на привычную, усталую ярость.

— Поздравляю, Тихонова. Вы только что стали государственным служащим с аттестацией «благонадёжно, но с привкусом пороха». Ваша зарплата теперь идёт по ведомости 14-Б, «спецрасходы на научные исследования двойного назначения». Каждый патрон для вашего алгоритма, — он выдержал паузу, — вы будете заказывать через меня. В трёх экземплярах. С обоснованием.

— А если «патрон» — это, например, дополнительная порция пудинга для пациента П-12? — спросила Вера с мёртвой серьёзностью.

— Тогда вы пишете рапорт: «Пудинг, штука. Назначение: поддержание энергетического баланса у экспериментального образца с повышенной нейропластичностью. Цель: не допустить снижения когнитивных функций, могущего привести к непредсказуемым последствиям для стабильности объекта». Подписываю. И у вас на столе через два дня появляется пудинг. Штука. — Он посмотрел на неё, и в уголке его глаза дрогнула искорка чего-то, отдалённо напоминающего чёрный, саморазрушающий восторг. — Добро пожаловать в систему, доктор. Здесь даже воздух нужно оформлять как «газовую смесь для обеспечения жизнедеятельности персонала категории А». Вы этого хотели?

Вера подумала: *«Главное, чтобы в трёх экземплярах не требовали фотографий пудинга до и после употребления»*. А вслух, глядя на удаляющийся автобус, сказала:

— Я хотела сохранить клинику.

— Вы её сохранили. В формате секретного бункера с табличкой «Осторожно, учёные». Теперь ваша задача — не дать им найти повод этот бункер вскрыть. И, ради всего святого, — он понизил голос, — если ваш «алгоритм» снова захочет пострелять, предупредите. Чтобы я успел оформить «плановые учения по отражению кибератаки». С трёхзначным номером предписания.

Он на секунду замолчал, глядя куда-то мимо камеры.

— У меня дочь ваших лет. Тоже учёный. Только биолог. Работает с вирусами. Я каждое утро просыпаюсь и проверяю сводки — не заразилась ли. А потом еду сюда и проверяю ваши. Так и живём.

Он развернулся и ушёл, оставив Веру в окружении новых камер, новых замков и нового, удушающего чувства: она выменяла свободу на легальную бюрократическую петлю на шее. Теперь, чтобы спасти жизни, ей предстояло научиться грамотно их описывать в отчётных формах.

Вернувшись в кабинет, она обнаружила на столе первый «подарок» новой эры — толстую папку от «Наследника». На титульном листе красовалась надпись: *«Сводный анализ проекта Лето. Версия 2.0. Распространение: подтверждено в 7 субъектах РФ под маркировкой пилотная программа психофизиологической адаптации. Вывод: угроза приобрела характер эпидемии низкой интенсивности»*.

Вера открыла папку. Графики, карты, отчёты санитарных служб. Вирус не тестировали. Его уже внедряли. Их вспышка «гриппа» вскрыла лишь один, самый кричащий очаг. Остальные тихо делали своё дело.

Она откинулась в кресле. Пудинг по заявке. Вирус по госпрограмме. Война, оформленная как «учения». Её мир окончательно превратился в гротеск, где самое страшное было упаковано в безупречные бюрократические формулировки. И чтобы бороться, ей теперь предстояло выучить этот язык досконально. Хотя бы для того, чтобы заказать тот самый пудинг, не попав под статью за «нецелевое использование спецсредств».

Она взяла ручку. Первая строка первого отчёта в новой жизни: «Служебная записка 1. О необходимости обеспечения продуктами питания повышенной питательности для объекта П-12»

Мысленно она уже дописывала постскрипtum: *«во избежание бунта объекта из-за невкусной манной каши, который может быть интерпретирован враждебными элементами как признак нестабильности всего объекта Гамаюн и повлечь за собой ненужные проверки. Приложение: рецепт пудинга от шеф-повара (бывшего)»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.